

Обжора-хохотун

Автор:

Макс Фрай

Обжора-хохотун

Макс Фрай

Хроники Ехо #6

Трактир «Кофейная гуща» стоит на границе между новорожденной реальностью и непознаваемым хаосом еще неосуществленных возможностей. Он стал центральным местом действия цикла «Хроники Ехо», в ходе которого старые друзья и коллеги встречаются, чтобы поговорить о прошлом и помолчать о будущем, которое уже почти наступило.

В шестой книге цикла «Хроники Ехо» сэра Мелифаро рассказывает о том, как он стал Тайным сыщиком, о головоломках, моде и магии, о своем двойнике, о веселом призраке, о заговоре против Короля, о воспитании разумной посуды и о самом ужасном человеке в Соединенном Королевстве, хуже которого вообще ничего придумать нельзя.

Макс Фрай

Обжора-хохотун

© Макс Фрай, текст

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

...all these moments will be lost in time...

«Blade Runner» by Ridley Scott

После полудня зарядил пестрый дождь. Струи у него вовсе не разноцветные, как можно подумать из-за названия, а просто разной температуры, ледяные, теплые и горячие – не кипятки, конечно, не ошпарят, а все-таки без зонта в такую погоду лучше не выходить.

Зонт в доме всего один, зато зеркальный. Франк когда-то побывал в городе, где в моде зеркальные зонты, захотел такой же, купил самый большой и сам оклеил его осколками маленьких зеркал, которые Триша по его просьбе сперва дюжинами скупала в галантерейных лавках, а потом аккуратно разбивала на кусочки, сложив в полотняный мешок и ласково постукивая молотком, почти плача от сочувствия, приговаривала: «Ничего, мои хорошие, потерпите, зато какая потом интересная будет у вас жизнь! Много-много разных отражений, это гораздо лучше, чем одно и то же лицо изо дня в день».

Франк за все время воспользовался зонтом раз пять, причем ходил с ним не в город, а по каким-то своим таинственным делам, о которых никогда ничего толком не рассказывает. А Триша чувствует ответственность перед зонтом, вернее, перед разбитыми зеркалами, которым когда-то пообещала интересную жизнь. И поэтому регулярно их выгуливает, иногда даже в хорошую погоду берет зонт с собой и раскрывает его на рыночной площади, на вершине горы, где живет Алиса, на заросшем розами и ежевикой островке у Короткого моста или в Поднебесном кафе, устроенном на крыше самого высокого дома – отражайте на здоровье.

А уж в дождливую погоду Триша просто обязана выйти из дома с зонтом. Отлынивать от прогулки нельзя. То есть можно, конечно, но совестно. Поэтому приходится надевать высокие непромокаемые сапоги, босиком-то под пестрым дождем только плясать сподручно, потому что пяткам то нестерпимо холодно, то, напротив, горячо – поневоле станешь подпрыгивать столь резво, что марионетки из соседней лавки уставятся на тебя с завистью, а их хозяйка, тетушка Уши Йоши, с жалостью, уж ей-то известно, что по доброй воле так никто не скачет.

Сапоги Триша не любит и поэтому никогда не помнит, куда их задевала. И не понимает, какой логикой руководствовалась, когда спрятала левый сапог в шкаф, а правый... Куда она сунула правый – ответ на этот вопрос неведом даже Франку, который знает все на свете (и кое-что во тьме, – добавил бы он сам). Поэтому сейчас Франк сидит за столом и с неподдельным интересом наблюдает, как Триша носится по дому в одном сапоге, со сложенным зеркальным зонтом под мышкой. Она и сама не отказалась бы поглядеть, как это выглядит со стороны. Судя по выражению лица Франка, захватывающее зрелище.

– Вспомнила! – сама себе не веря, восклицает Триша. – Вспомнила! Сейчас!

Она выскакивает в коридор так стремительно, что тень ее испуганно шарахается от дверного косяка – нет уж, лучше я тут подожду – и возвращается с победой, все еще в одном левом сапоге, но торжествующе размахивая его беглым близнецом.

– Ну конечно! Я же вазу из него сделала.

Опьяненная успехом, Триша говорит гораздо громче, чем обычно. Франк приподнимает бровь, всем своим видом изображая заинтересованность.

– Цветы, – объясняет Триша. – Не знаю, как называются. Белые и лиловые, на высоких стеблях. Помнишь? Красивые! Принесла их с рынка, и оказалось, все наши вазы для них слишком короткие. А кухонную посуду ты для букетов брать не велел. И я решила – поставлю в сапог. Они у меня как раз высокие. И непромокаемые. Значит, воду набрать можно. И набрала, и прекрасно стоял букет!

– Не сомневаюсь, – мягко говорит Франк. – На его месте кто угодно прекрасно стоял бы. В такой замечательной вазе что ж не постоять.

Трише ясно, что Франк над ней смеется. Но это совсем не обидно. Даже наоборот. Сразу чувствуешь себя полезной, вон какое хорошее дело сделала – целого Франка насмешила. Молодец, хорошая кошка, теперь можно и погулять.

– Я скоро вернусь, – говорит она. – По крайней мере, до ужина точно вернусь.

– Конечно, ты вернешься до ужина, – соглашается Франк. – Довольно затруднительно приготовить ужин, вернувшись после него. Даже у меня так не получается.

– Ой, а надо будет приготовить? Я думала, ты сам.

– Помощь мне сегодня не помешает. Клиентов я, если что, и без тебя покормлю, но если вечером сюда заявится гость, хотелось бы иметь под рукой что-нибудь этакое.

– Гость? Хорошо бы! Давно уже у нас никого не было. Я имею в виду, никого такого.

– Никого, кто рассказывает истории, – кивает Франк. – Это непорядок.

– Я думала, Макс человек сто в гости позовет, – вздыхает Триша. – Или даже больше. Будут ходить и ходить, один за другим, пока твои приглашительные открытки не закончатся. А потом Макс попросит еще стопку, и ты, конечно, дашь. А ему, получается, никто не нужен?

– Нужен, не нужен – это он пусть сам разбирается. Я знаю одно: чтобы звать гостей, надо самому сидеть дома. А этот трюк удастся Максиму гораздо хуже прочих.

– Какой трюк?

– Я имел в виду, что наш друг не слишком преуспел в искусстве домоседства, – высокопарно говорит Франк. – Чего смеешься? Для него подолгу оставаться на одном месте – нелегкая задача. Впрочем, Макс делает некоторые успехи. По крайней мере, раз в несколько дней более-менее вовремя является к ужину. В его случае это примерно так же непросто, как для тебя – спать на потолочной балке.

– Ну, я вообще-то могу там спать, – напоминает Триша.

– Конечно, можешь. Но не делаешь. Потому что в кровати гораздо удобнее. Вот и ему...

- Гораздо удобнее не возвращаться домой к ужину? Надо же, - вздыхает Триша.

- И подружка у него такая же непоседа, - поразмыслив, добавляет Франк. - Очень удачно получилось.

- Меламори как раз не настоящая непоседа. Говорит, будь ее воля, первую дюжину лет путешествовала бы исключительно из нашего сада за мороженым и обратно. Но ты же сам видел, какой у нее начальник. Сказал - погуляла, и хватит. Ночуй где хочешь, да хоть на границе между светом и тенью, а на службу являться изволь.

- Да, с таким, пожалуй, не забалуешь, - соглашается Франк. - Ни в чужом пространстве, ни в ином времени не спрячешься, а уж за чертой, отделяющей сбывшееся от несбывшегося, и подавно не отсидишься. Да и где она теперь, эта черта. Если дальше так пойдет, сбудемся окончательно и бесповоротно. Ты как на это смотришь?

Триша не очень любит такие разговоры. Но на прямой вопрос надо отвечать.

- Я и так уже сбывлась, давным-давно. Вот она я - теплая, твердая, с утра пирог ела и чай пила, а потом посуду помыла - тебе мало? И теперь стою тут в сбывшихся сапогах, со сбывшимся зонтиком, сама сбывшаяся от пяток до макушки, с тобой разговариваю вместо того, чтобы идти гулять, как собиралась... Интересно, а дождь не закончился, пока я обувалась?

- Какое там, - улыбается Франк.

Он прав. Пестрый дождь - это обычно надолго. Скорее всего, до ночи, а может быть, и до завтрашнего утра. Зато зонт, похоже, доволен.

- Смотри, - говорит ему Триша, - ты только смотри!

И прибавляет шагу, благо улица идет под уклон. Мимо лавки тетушки Уши Йоши, мимо дома неизвестного трубача - никто из соседей никогда его не видел, зато часто слышно, как он играет - мимо витрины портного Леонида, где стеклянные манекены приветливо машут прозрачными руками всякому прохожему, мимо

Птичьей кондитерской – сорок сортов прекрасных крошек от пирожных и кексов! – мимо фонарной мастерской и художественной галереи, где сейчас красуются расписные мячи из холста, их создатель, лысый мужчина с мальчишеским лицом и большими сильными руками, перед открытием выставки каждый день завтракал в «Кофейной гуще», а теперь куда-то пропал. А вот здесь можно свернуть направо, в переулок, где только сады за невысокими оградами, и перейти на бег, тогда в осколках зеркал отразятся не цветы и не листья, а густой зеленый ветер, им должно понравиться, думает Триша, мне бы точно понравилось, если бы я была зеркалом, или зеркальным зонтом, или просто человеком, бегущим с раскрытым зеркальным зонтом в руках... эй, но я сейчас и есть такой человек! Окончательно и бесповоротно сбывшийся человек, что бы там ни говорил Франк. Везет же мне!

Триша смеется от полноты чувств и, добежав до конца переулка, замедляет шаг. По этой людной улице надо идти не спеша и смотреть по сторонам, чтобы все увидеть, ничего не упустить. Женщина с лицом, сшитым из зеленой парчи, развешивает на бельевой веревке чьи-то старые, явно доставшиеся ей по случаю воспоминания, и правильно делает, всякая хорошая хозяйка знает, что под дождем они истончаются до прозрачности и становятся впору новому владельцу. Веселый старик в пижаме, расшитой звездами и полумесяцами, грызет кукурузный початок, укрывшись под навесом на веранде несуразного пестрого, словно бы из детских кубиков построенного дома. Уличный музыкант в прозрачной непромокаемой накидке до пят самозабвенно пляшет в самом центре глубокой лужи, ловко подставляет брызгам свой барабан, чтобы они отбивали ритм. Высокий небритый толстяк стоит посреди улицы, в левой руке у него большой черный зонт, в правой – маленький красный, под которым благодарно трепещет целое облако бабочек. Владельцы кафе спешно выносят на улицу бидоны и банки, запасают впрок сладкую дождевую воду – Трише-то хлопотать не приходится, у них с Франком в саду стоит бочка, такая огромная, что еще ни одному ливню не удалось наполнить ее до самых краев.

И дальше, дальше, к реке. По какому из мостов переходить на другой берег – вот вопрос, ответ на который никогда не известен заранее. На Садовом мосту сейчас все цветет, там витает аромат мокрой зелени и горького речного меда, на Птичьем щебечут говорливые стеклянные снегири, Веселый сплетен из толстых канатов и качается так, что поневоле ухватишься за перила, а на Рыночном сейчас наверняка натянули непромокаемые пестрые тенты и вовсю торгуют печеными орехами, мокрыми букетами, жареными колбасками и имбирным чаем. Поди тут выбери! И как же хорошо, что есть еще Безымянный мост, каменный, высокий, изогнутый, как подкова, ничем не украшенный, почти

всегда пустой. С него открывается самый лучший вид на оба берега и на все остальные мосты сразу. Если бы Триша гуляла одна, она бы еще долго выбирала, но поскольку с нею охочий до зрелищ зонт, принять решение очень просто.

– Смотри, какое все, – говорит Триша, ступая на скользкие камни Безымянного моста. – Ты только посмотри! Это наш берег, там больше садов, и дома построены из чего попало, добрая половина, похоже, просто приснилась своим владельцам, потому что я совершенно не представляю, как такое можно сделать руками. А на другом берегу дома высокие и красивые, они немного похожи один на другой, зато на крышах цветная черепица, мне больше всего нравится синяя, а тебе?

Зонт молчит, но, похоже, ему тоже нравится синяя черепица и вообще все.

– Соседний мост, где много народу, – это Рыночный, мы с тобой по нему уже однажды ходили, – продолжает объяснять Триша. – А с другой стороны – Совиный, он узкий и очень красивый, но совы там не живые, а каменные, на своих головах они держат перила. А это лодка Ари, я его немножко знаю, у него коса до земли и огромный белый кот с желтыми глазами, ходит за хозяином, как привязанный, они, похоже, никогда не расстаются. Надо же, не думала, что Ари в такой дождь станет кататься... А другая лодка я не знаю чья, но какая же красивая! Красная, и ящик с цветущими розами на корме, видишь? А это – видишь, там, далеко-далеко на вершине горы? – дом Алисы. Мы с тобой у нее уже были и еще пойдём обязательно. А это... Ой.

Та к увлеклась собственной болтовней, что врезалась в человека, стоящего у парапета. Смутилась ужасно, надо же, какая неуклюжая и рассеянная. Открыла было рот, чтобы извиниться, и только тогда узнала свою жертву. Обрадовалась, конечно, но и удивилась изрядно, и от растерянности затараторила, обращаясь к зонту.

– А это у нас Макс, который уже три дня подряд дома не показывался, даже к ужину не приходил. Вы с ним, как я понимаю, знакомы. По крайней мере, живете по соседству, а значит...

Она осеклась, сообразив, что говорить в такой ситуации следует все-таки не с зонтом, а с человеком.

- Как же ты в такой дождь без зонта гуляешь?

- А здесь нет дождя, - Макс говорит так тихо, что проще прочитать по губам, чем услышать. Растерянно моргает, как будто только что проснулся, смотрит на Тришу как на чужую, с доброжелательным, но отстраненным интересом. Дескать, кто это такой хороший к нам пришел?

- Ну как же нет, когда... - она вытягивает руку, чтобы подставить ладонь под горячие и ледяные капли, и растерянно умолкает на полуслове. Похоже, тут действительно нет дождя. Везде есть, вон как кипит под тугими струями река, сияют и трепещут мокрые камни моста, бегут пенные ручьи по тротуарам, но здесь, рядом с Максом, сухо, словно над ним тоже раскрыт зонт - невидимый и очень большой, метра три в диаметре.

- А можно рядом с тобой постоять? - спрашивает Триша. - Или ты?.. Или я не?..

- Я не «или», и ты не «или», - улыбается Макс. - Можно. Все можно - здесь и сейчас, тебе.

- Все? Получается, спросить тоже можно? - уточняет Триша.

- Конечно. Только учти, ответов у меня немного. Хорошо если дюжина наберется - на все возможные вопросы. Хотя сейчас вполне можно было бы обойтись и одним - «не знаю».

Хитрый какой. Заранее выкрутился. Но упускать случай все равно глупо. Вдруг в последний момент передумает говорить «не знаю» и что-нибудь расскажет.

Триша даже прижмурилась от смущения - все-таки не привыкла она допросы учинять - и выпалила:

- А почему тебя в последнее время почти не видно?

- Не знаю! - бодро рапортует Макс.

Чего и следовало ожидать. Вот как с таким разговаривать?

– Не сердись, Триша. Я правда не знаю, почему меня в последнее время не видно. Может быть, ты просто смотришь куда-то не туда? А может быть, меня действительно нигде нет? А может быть, я, наоборот, есть – везде одновременно. И когда ты смотришь на крышу чужого дома, соседского кота, торговку луком или витрину обувной лавки, то видишь меня, но сама об этом не догадываешься.

Иногда Макса совершенно невозможно понять. Вроде бы не насмехается над Тришей, не обманывает ее, не хитрит, наоборот, старается что-то объяснить, но от его ответа все окончательно запутывается. Уж лучше бы промолчал или объявил, что его дела – это стррррашная-стррррашная тайна, и все были бы довольны, жили бы счастливо и умерли в один день, лопнув от любопытства.

– Не сердись, Триша, – повторяет Макс. – С некоторых пор я и себе-то ничего толком объяснить не могу – притом, что вроде бы прекрасно все понимаю, пока дело не доходит до слов. Со словами у меня сейчас неважные отношения. Нужных мне, похоже, вовсе нет в природе, а прочие разбегаются врассыпную, когда я зову их на помощь.

– Я не сержусь, – вздыхает Триша. – Если не можешь рассказать, почему домой так редко заходишь – ладно, я сама что-нибудь придумаю.

– А, ты об этом спрашиваешь? – с явным облегчением выдыхает Макс. – Я, видишь ли, понял твой вопрос буквально. Думал, меня трудно разглядеть...

Погоди, а разве я редко дома бываю? Мне казалось, каждый вечер прихожу к ужину, надоел уже вам с Франком хуже горькой редьки. Нет? Похоже, с чувством времени у меня сейчас тоже не все ладно. Ничего, скоро привыкну.

– Привыкнешь – к чему?

Макс хмурится, морщит лоб, рука его непроизвольно дергается, словно бы ловит разбегающиеся слова. И, похоже, поймал пару-тройку дезертиров, потому что принялся объяснять:

– К тому, что эта реальность стала такой плотной, хоть ножом ее режь и на хлеб клади, а хочешь, заселяй, как заново отстроенный дом – не смутными тенями и неразборчивыми голосами, а взаправдашними живыми людьми.

И одновременно моя персональная реальность, обжитая и, как мне всегда казалось, надежная, становится все более зыбкой. Туман, обитающий в вашем саду, по сравнению с ней – почти камень; тени бывших жильцов в пустующих домах по сравнению со мной – благонадежнейшие обыватели. Прежде было наоборот, а теперь – так, как есть, и мне, пожалуй, нравится, только надо привыкнуть, научиться сохранять равновесие. Ничего, научусь. Куда я денусь... Не хмурься, Триша. Все это хорошие перемены. Ты даже не представляешь насколько. Впрочем, я и сам пока не представляю.

– Конечно, хорошие, – убежденно говорит Триша. – Не могу вообразить, чтобы перемены – и вдруг к худшему. Мне рассказывали, что так бывает, но я, знаешь, не верю.

– Правильно делаешь. А теперь, если хочешь, можешь волочь свою добычу домой. Добыча не против.

– Кто не против? Кого надо волочь?

– Меня, – смеется Макс. – Я твоя добыча. Уж поймала так поймала, прямо на мосту. Молодец, хорошая кошка.

– Если ты моя добыча, – поразмыслив, говорит Триша, – и если я молодец, тогда, пожалуй, сперва отволоку тебя на тот берег. Хочу погреться у огня и мороженого. В городе есть только одно место, где можно получить то и другое одновременно. Пойдешь со мной?

– Еще как пойду. Если это то кафе, о котором я думаю, там еще и ром в кофе подливают, не скупясь. Именно то, что мне сейчас требуется.

– А вот, например, гости, Макс, – говорит Триша. – Как же гости? Где они?

Камин, мороженое и кофе с ромом остались позади, зато впереди долгая прогулка под зонтом и наконец-то можно не раздумывать, выбирая мост, пусть Макс идет, как хочет, ужасно интересно, каков будет его путь домой. Но поговорить про гостей – это еще интереснее. Триша вон сколько времени удобного случая ждала.

– Где они? – Переспрашивает Макс. – Вот прямо сейчас? Даже и не знаю, что тебе сказать. Кто где, всяк на своем месте, как и мы с тобой. А что?

– Я имею в виду, почему к нам больше не приходят твои гости? Почему ты их не зовешь? Уже так долго...

– Долго? – Искренне удивляется Макс. – Надо же, я думал, всего несколько дней. Этот город сейчас отнимает все мое внимание, вот в чем, наверное, дело. К тому же по вечерам часто появляется Меламори, рассказывает новости, сплетни и слухи, и от этого у меня ощущение, что гости у нас практически всегда. У меня так точно.

– Ее новости даже мне слушать интересно, – кивает Триша. – Хотя я пока не всех ваших друзей знаю. Но никто не рассказывает настоящие истории. И Франк не достает из шкафа свои часы, в них нет нужды. И не варит «Огненный рай», потому что этот рецепт для особых случаев. Уже очень, очень давно, Макс! Сил моих больше нет ждать.

– Об этом я как-то не подумал. Извини. Ладно, будет тебе гость, нынче же вечером. Свежий, веселый гость, благоухающий тайнами. К тому же кофе, насколько я помню, ему в свое время очень понравился. Решено, да будет так. Если уж я сегодня твоя добыча, надо стараться тебе угодить.

– Ура! – вопит Триша. – Ура, ура, ура!

На радостях пускается в пляс, размахивает руками, забыв, что зонт у них один на двоих, и сейчас Макс по ее милости остался без укрытия, стоит, ежится под ледяными и горячими струями, но не сердится и не жалуется, а смеется, глядя, как счастливая Триша скачет по мостовой.

– Надо было раньше напомнить, – говорит он. – Со мной можно не церемониться. Даже совершенно необходимо не церемониться, а то видишь как выходит, если меня оставить в покое.

– Прости, – говорит Триша, возвращая зонт на прежнее место. – Ох, прости. Ты же мокрый весь – из-за меня! Я думала, дождь над тобой никогда не идет, а он только на мосту не...

– Просто на мосту меня почти не было, – туманно объясняет Макс. – Так, бледная тень на дежурстве стояла, но ты ее углядела, молодец. Зато теперь, после кофе с ромом и твоей болтовни дождю очень даже есть кого мочить. Вот он и расстарался. Ничего, ничего, вода мне только на пользу, и горячая, и холодная, а уж обе сразу, да за шиворот – слов нет, как это было вовремя!

– Тогда ладно, – соглашается Триша.

Ей бы впору растеряться от таких объяснений, но рядом с Франком Триша поневоле привыкла к непонятным разговорам и тревожным намекам, от которых шерсть на загривке дыбом – встала бы, если бы еще росла. Не поняла – вот и хорошо, переспроси, коли охота, получив ответ, всю ночь подскакивать от всякого шороха, а лучше пропусти мимо ушей, потом когда-нибудь вспомнишь и, может быть, сама все поймешь. А если забудешь навсегда – считай, повезло.

Вот и сейчас она отметила про себя: Макс, похоже, доволен, что промок – а информацию про бледную тень выкинула из головы, пусть себе говорит, что хочет, я-то знаю, никакая он не тень и на мосту был самый настоящий, я же своими глазами видела и за руку его брала, ну.

Квартала три Триша прошла, приплясывая, потом спохватилась:

– Слушай, а как это – нынче вечером гость? Ты же должен сперва отправить открытку, пока еще она дойдет... Получается, завтра?

– Сказал сегодня – значит, сегодня, – в голосе Макса звучит не то твердость уверенного в своем могуществе чародея, не то самое обычное упрямство. Немного помолчав, он добавляет: – На самом деле открытку отправлять совершенно не обязательно, достаточно сказать: «Сегодня вечером у нас будет гость», – и он придет. В этом городе мне чужое колдовство ни к чему, даже без помощи Франка, как выяснилось, можно обойтись, хоть и думал я поначалу, что он-то и есть настоящий хозяин. А оказалось, здесь у меня все выходит само собой, стоит только захотеть. Но лучше все-таки сказать вслух. Не знаю, как ты, а я никогда не уверен, чего на самом деле хочу, поэтому точная формулировка не помешает.

– Правда? – недоверчиво спрашивает Триша. – Надо же. А вот я могу хоть сто раз кряду сказать: «Посуда будет помыта», – но пока не встану и сама ее не вымою,

ничего не произойдет. И ладно бы только посуда...

- Зато ты хорошо знаешь, когда вышла из дома, помнишь, где была и что делала. И не рискуешь вернуться год спустя, не заметив, как он пролетел.

- Ну да. И что в этом особенного?

- Ничего. Но у меня, сама видишь, не всегда получается, - смеется Макс. И рассудительно добавляет: - Во всяком положении есть свои преимущества. Главное - не забывать ими наслаждаться.

- Я еще как наслаждаюсь, - кивает Триша. - А посуда - ну подумаешь, посуда. Мне совсем не трудно. Ни капельки.

- Дождь закончился, - говорит Макс. - Твой зонт не очень обидится, если я теперь из-под него выберусь?

- Он никогда не обижается. У моего зонта очень хороший характер. Почти как у тебя. И знаешь что? Если уж нет дождя, давай пойдем самой-самой длинной дорогой, чтобы... ну... ну...

- Чтобы не ждать вечера, а просто гулять? - Макс сразу ее раскусил. - И прийти домой попозже, обнаружить, что скопилась куча дел, непонятно, как все успеть, зато глядеть на часы и волноваться будет некогда, да?

Трише только и остается, что молча кивать.

- Я такую длинную дорогу к вашему дому знаю - ты удивишься, - тоном заговорщика шепчет Макс. - Но к вечеру все же будем на месте, - добавляет он, увидев в ее округлившись глазах немой вопрос: «Неужели несколько лет идти будем?!»

До «Кофейной гущи» они добрались в самом начале сумерек, когда еще совсем светло, но по углам уже прячется синева, а вытянувшиеся тени становятся такими тонкими и прозрачными, что Триша старается двигаться плавно и осторожно, чтобы случайно их не порвать.

В кафе никого нет, хотя лампы уже зажгли и рядом с плитой стоит еще теплая джезва, а на столе возле окна – две пустые чашки и тарелка с рубиновыми крошками смородинового печенья. Похоже, клиенты ушли совсем недавно, а Франк – где же Франк?

– Ну конечно, – вслух говорит Триша и устремляется в сад. У нее такие новости, такие новости! Совершенно невозможно ждать.

Франк, оказывается, вынес из дома стулья, расставил их у самой туманной стены, уселся там, как зритель в кинотеатре, купивший билет в первый ряд, а рядом – вот сюрприз! – устроился их старый друг Ахум. Когда-то он был постоянным клиентом «Кофейной гущи», а потом стал заходить все реже. Зато приносил Трише в подарок зеленые прозрачные конфеты и лиловые драгоценные камни, рассказывал сказки о далеких землях, где бескрайние равнины усыпаны самоцветами как песком, а леденцы растут на деревьях и созрев, падают в реки, поэтому каждую осень речная вода зеленеет и становится кисло-сладкой.

В последнее время Ахум совсем куда-то пропал, но теперь вдруг объявился Трише на радость. Ну и день сегодня. Ну и день.

– Здравствуй, – кричит Триша. – Какой же ты молодец, что пришел! Хочешь, я чаю?.. Или?..

– С чаем можешь не спешить. Посиди с нами. Смотри, что я тебе принес, – и пересыпает в ее протянутые ладони мелкие черные ягоды, рассказывает: – В тех краях, откуда я их принес, у всех растений черные листья, стебли, цветы и плоды, трава – и та черная, как смола. Зато почва местами белая, а местами алая. И небо зеленое, как будто смотришь на него сквозь бутылочное стекло. Я хотел бы принести сюда весь этот мир, показать тебе, а потом аккуратно положить на место, но мир не поместился в карман. Пришлось ограничиться ягодами.

– Сладкие какие, – говорит Триша, отправляя гостинец в рот. – Это не страшно, что мир в карман не поместился, я уже и так его представляю, как будто видела. Спасибо тебе, Ахум.

На самом деле у него очень длинное имя. Вернее, целых четыре имени, но друзьям позволено обходиться одним, на выбор, и Триша всегда зовет его «Ахум».

– Какая же ты стала красавица, – он одобрительно цокает языком, качает головой, всем своим видом изображает восхищение. Ахума послушать, так Тришу уже давно впору на ярмарке показывать, чтобы у всех горожан появился шанс хоть раз в жизни этакую красоту узреть. Но Триша знает, что он – ну, не то чтобы обманывает, просто шутит так, посмеивается не то над ней, не то над собой, не то над всем миром сразу.

– Я какая была, такая и осталась, – улыбается Триша. – А почему ты так долго не заходил?

– Разве долго? – Удивляется Ахум.

И этот туда же. Как сговорились. Неужели так трудно считать хотя бы дни, если уж часы слишком быстро улетают?

– Просто у всех разное время, – объясняет Франк. – Это только на первый взгляд кажется, будто время – общий для всех океан, где плаваем и мы с тобой, и наши друзья, и соседи, и жители других городов, стран, континентов, и даже обитатели иных миров. А на самом деле сколько живых существ, столько потоков, которые несут нас – иногда параллельно друг другу, а порой в разные стороны. В такие моменты бывает очень непросто договориться о встрече, но мы, как видишь, худо-бедно справляемся. Хотя могли бы больше стараться, тут не поспоришь.

– Я не понимаю, – говорит Триша. – Но это, наверное, не очень важно вот прямо сейчас, когда мы все уже встретились. Ты дома, Ахум пришел к нам в гости, а еще я Макса увидела на Безымянном мосту и привела с собой. А кстати, где же он? В кафе остался, получается? Интересно, что он там делает?

– Как – что? Сидит и хочет кофе, – смеется Франк. – Долго же ему ждать придется!

– О, вот вы где, – говорит Макс.

Вопреки предсказанию Франка, он не стал ждать, когда кто-то из хозяев вернется в дом, сварил кофе сам и с кружкой в руках отправился на поиски. И вот, пришел сюда, такой молодец.

– Франк, я только что согрешил с твоей плитой, – скороговоркой сообщает он. – Плита осталась довольна, предлагала никому ничего не рассказывать и при случае повторить, но я все же решил покаяться, снять камень с души, вместо которой у меня, подозреваю, черт знает что... Ох, ничего себе! Сэр Мелифаро, ты уже, получается, тут? Надо же, какая скорость. Даже от тебя не ожидал. Здраваться-то будем?

Это что же, – изумленно думает Триша, – выходит, они уже знакомы? Когда успели? И где? И как? И почему Макс называет Ахума чужим именем? Я вроде бы все четыре помню, и они совсем другие.

– Я не тот, кого ты ждешь, – отвечает Ахум. – Но поздороваться – такое дело, никогда не помешает.

– Погоди, как это – не тот? Быть того не... Хотя... Да, кажется, начинаю понимать.

– Вот то-то же, – улыбается Ахум. – Мы с тобой действительно встречались прежде. Несколько раз, но всегда мельком. Зато как ты на меня при этом смотрел, никогда не забуду. На мне только что одежда не дымилась, но к тому шло.

– Ну а чего ты хотел. И сейчас-то не каждый день на двойников своих приятелей поглазеть удастся, а по тем временам зрелище было и вовсе из ряда вон. Как в первый раз не рехнулся по дороге на Темную Сторону, на вас с сэром Мелифаро глядя, до сих пор не понимаю. Впрочем, поводов рехнуться у меня тогда было в день по дюжине, один другого слаще... А сюда ты, выходит, вместо Мелифаро пришел? Ну надо же. Ловко этот хитрюга выкрутился. Я-то думал, он будет рад возможности повидаться.

– Не так все просто, – говорит Ахум. – Я здесь не вместо него, а вместе с ним. Стражи на такие прогулки поодиночке не ходят. Хотя я, как видишь, все же

зашел пораньше. У меня тут тоже старые друзья, так уж все удачно совпало.

– Слушай, а тебя же, наверное, как-то зовут? Я имею в виду, ты не...

– Совершенно верно. Имя у меня свое, как и все остальное. Ахум Набан Дуан Ганабак, к твоим услугам.

– О, – уважительно вздыхает Макс. – О-о-о-о. Вот это имя так имя. Теперь я понимаю, почему бедняге Мелифаро приходится довольствоваться одной фамилией. Твоих имен на двоих с избытком хватит. Вот ему паек и урезали – для равновесия.

– Думаю, так и есть, – соглашается Ахум. – Вселенная, похоже, просто помешана на равновесии. Хлебом ее не корми, дай все уравновесить. Тьму светом, пустоту изобилием, вечность временем, а...

– А всякое живое существо – Тенью, – подхватывает Франк. И, подмигнув Макс, лукаво добавляет: – Но Стража, как их называют твои учителя, можно уравновесить только хорошим полновесным двойником. А как иначе? Если такого не разделить пополам и не рассовать по разным карманам реальности, с ним никакого сладу не будет. Вселенная не терпит совершенства, и она знает, что делает. В этом вопросе я целиком на ее стороне.

– Всегда очень хотел во всем этом разобраться, – вздыхает Макс. – Понять, как устроены Стражи. Вроде бы не моего ума дело, меня не касается, но сил же нет как интересно. Можно я буду тебя расспрашивать, Ахум Набан Дуан Ганабак? Или ты сам, без вопросов все расскажешь?

– Могу и рассказать. Но вряд ли я утолю твое любопытство. Я не любитель исследовать собственную природу и размышлять о своем месте во Вселенной. Живу, как вздумается и как получится, просыпаюсь сегодня здесь, завтра там. Не могу сказать, что это всегда зависит от моего выбора, но мне в общем все равно – все нравится, все подходит, лишь бы не угораздило однажды угодить в сбывшееся, определенное, окончательно осуществившееся. Воздух там гуще, чем моя кровь, свет слишком сладок, а тьма звенит так пронзительно, что барабанные перепонки рвутся. Совершенно невыносимо. Собственно, мне и здесь-то с некоторых пор бывать довольно затруднительно. Разве только в саду у Франка посидеть могу – на самой границе. На границе мне легко

дышится, всякая граница – моя земля, мое вечное королевство, источник жизни, дом. О границах я знаю очень много и могу говорить бесконечно. Но ты, как я понимаю, хочешь узнать не о границах, а обо мне. Вернее, о своем друге, который очень скоро сам здесь объявится. И тоже ничего толком тебе не объяснит. Потому что, как и я, преуспел в изучении окружающего мира, но не собственной природы. Уж я-то его знаю.

– Могу понять вас обоих, – кивает Макс. – Если бы кто-то принялся расспрашивать, как устроен я сам, пришлось бы отправлять его к специалисту – например, к мудрому Франку. Я-то и двух слов не свяжу, даже наедине с собой до смешного косноязычен. А от других почему-то жду внятных разъяснений.

– К мудрому Франку, значит, отправил бы. Экий ты, оказывается, дипломат, – смеется Франк. – Ловко ввернул похвалу и ждешь теперь, что я сам, без дополнительного приглашения все тебе про Стражей растолкую. Такое нахальство заслуживает поощрения, но мне, строго говоря, и сказать нечего, кроме того, что ты уже и сам понял. Время от времени рождаются такие существа, половинки целого, близнецы, разлученные навек, окончательно и бесповоротно, потому что один из них может жить и действовать лишь в сбывшейся, овеществленной реальности, на лицевой, так сказать, ее стороне, а второй – только на переменной изнанке вещей, в темных щелях между замыслом и рождением, обещанием и осуществлением. Но Страж не был бы Стражем, если бы близнецы время от времени не встречались на границе между тем и другим. Только там, на границе, в единстве с самим собой и обеими сторонами реальности проходит настоящая жизнь Стража, а все остальное – пауза, предназначенная для отдыха и развлечений, возможность набить положенные шишки и набраться сил, накормить сознание опытом, занять разум игрой, да мало ли что еще можно придумать, чем бы Страж ни тешился, лишь бы не тосковал о себе... И я, конечно, совершенно напрасно сказал: «там», – здесь, в моем саду, как раз и пролегает граница между сбывшимся и несбывшимся, вероятным и невозможным, объяснимым и непостижимым. Для того он и нужен, поэтому я тут, и «Кофейная гуща» открыта в любое время суток, и чайник томится на плите – для тех, кто осознанно или по неведению пересек эту границу, наяву ли, во сне ли, не имеет значения, тут у нас сон и явь – одно и то же, а дружеский прием, глоток горячего питья и разумные речи нужны всякому путнику. С нами они уж точно не пропадут, не заблудятся, не лишатся разума, не превратятся в неугомонные бездомные тени, которые только и ждут случая досадить своим соседям. Впрочем, все это ты и сам уже знаешь. И сформулировать смог бы, пожалуй, не хуже моего. Ничего нового я сейчас не сказал.

Макс, может, и знает, зато Триша слушает, разинув рот. Никогда прежде Франк не объяснял ей, почему они тут живут, и зачем нужна «Кофейная гуща». Да ей бы и в голову не пришло расспрашивать – есть, вот и хорошо, существование само по себе ответ на всякий вопрос о смысле. Но если уж Франк рассказывает, надо слушать, любая кошка знает это правило: дают – бери, не можешь съесть сейчас, припрячешь до поры, рано или поздно пригодится, отыщешь и спасибо скажешь, а как иначе.

– Ну вот, дождались. Скоро будет полный комплект, – будничным тоном говорит Ахум.

Встает и делает шаг в туман, и еще один, и еще, и Триша почему-то зажмуривается – именно теперь, когда его уже все равно не видно и вообще ничего особенного, только туман, к которому она давным-давно привыкла – с трех сторон у нас забор, а с четвертой туман, обычное дело, а что ж.

– Ты чего это? – удивленно спрашивает Макс.

– Просто отдыхаю, – объясняет Триша.

– От впечатлений, – подсказывает Франк. – Поняла, что с нее на сегодня хватит. Триша у нас молодец, свою норму знает, и это выгодно отличает ее от подавляющего большинства мыслящих существ.

И, погладив Тришу по голове, говорит ей:

– Ступай-ка ты, девочка, на кухню. Ужин-то никто не отменял. А у нас ничего не готово, кроме сливового пирога. Я его еще днем испек, для клиентов, а они на печенье налегали, все как один, так что пирог нам остался – почти целиком. Но этого все равно мало.

– Конечно, мало, – кивает Триша. – Что еще приготовить? Может, лисий салат, из курятины и лесных ягод? И омлет – это быстро, даже если по твоему рецепту все делать. Доверишь?

– А что ж, пожалуй, доверю, – поразмыслив, кивает Франк.

Триша несется в дом, окрыленная его согласием. И только на пороге кухни останавливается и думает: а все-таки надо было еще немножко задержаться, посмотреть, кто выйдет из тумана – сам Ахум, или его двойник, с которым, оказывается, дружит Макс, или оба сразу? И если оба, то как они будут себя вести? И что на это скажет Франк, и какое лицо будет у Макса, и о чем они все станут говорить. Наверное, еще можно вернуться, невелика беда, если салат с омлетом будут готовы на четверть часа позже. Но возвращаться ей почему-то совершенно не хочется.

– Давай ты посмотришь, если уж я занята, – говорит Триша зонту, вынося его за порог. Ловко вскарабкавшись на яблоню, вешает зонт на ветку, повыше, чтобы уж точно все разглядел.

Идет в кладовую за яйцами, складывает их в лукошко, ставит его на стол и снова бежит в сад, к дереву, на котором остался висеть ее зеркальный зонт.

– Ты только не подумай, что я испугалась, – говорит Триша. – Нечего тут бояться. Наоборот! Только, понимаешь, я хочу узнавать обо всем понемножку. Потому что если увижу и услышу все сразу, оно в меня не поместится. Я не лопну, конечно, но ничего толком не пойму, не запомню, и получится, что все было зря. А я так не хочу. Понимаешь?

Зонт, конечно, помалкивает, такова уж его бессловесная природа. Зато зашелестели листья яблони, а ведь ветра совсем нет. Значит, понимает, – думает Триша. Еще бы он не понимал!

– Ты самый прекрасный и умный зонт в мире, – прочувствованно говорит Триша. – Сказал бы мне кто раньше, что такие бывают, ни за что бы не поверила.

Когда заскрипела входная дверь и зазвучали голоса, Триша уже закончила смешивать заправку для салата и принялась взбивать яйца, поочередно добавляя в них двадцать семь обязательных приправ, строго по порядку, как Франк учил.

– Пожалуйста, не отвлекайте меня сейчас, – говорит она, не поднимая глаз на вошедших. – А то собьюсь, перепутаю, и будете потом есть невесть что вместо настоящего омлета, а я умру от стыда... И пожалуйста, снимите кто-

нибудь зонт с яблони. Он там довольно высоко, но с тропинки сразу разглядите, он на виду висит.

– А как зонт вообще оказался на дереве? – спрашивает кто-то из вошедших.

– Я его туда повесила, – говорит Триша, перебирая банки с пряностями, бормоча про себя: «Кумин, сейчас кумин, а после него шафран». И, спеша предотвратить дальнейшие расспросы, добавляет: – Чтобы он на вас смотрел, пока я занята.

Скрип двери, удаляющиеся шаги, пауза, кладем белый перец, опять шаги, теперь приближающиеся, розовый перец, а следом за ним зеленый, снова скрип, шелест и приглушенный стук – дело сделано, зонт вернулся домой, висит на крюке под потолком, это его любимое место. Черный кунжут надо сыпать щедрой рукой, но позже, когда омлет уже будет на сковороде. И все! Ничего не перепутала, уфф.

– Уфф! – Вслух говорит Триша и только теперь оглядывает вошедших. Их по-прежнему трое – Франк, Макс и... И?

– Мы уже знакомы или еще нет? – спрашивает Триша, ощущая себя полной идиоткой. Никогда бы не подумала, что однажды станет всерьез старого друга расспрашивать, знакомы они или нет.

– Представ себе, я задал ему ровно тот же вопрос, – смеется Макс. – Слово в слово.

– И что он тебе ответил? – спрашивает Триша, водружая на плиту самую большую сковородку. – И какой ответ получу я?

– Ответ в обоих случаях один и тот же, – говорит Ахум. – Конечно, мы знакомы с тобой, Триша. Но и с Ночным Кошмаром тоже – давным-давно. Даже не знаю, с кем дольше.

– А при чем тут ночные кошмары? – Изумляется Триша. – С каких это пор они тебе снятся, Ахум? Или ты все-таки не?..

– Я – оба сразу, – объясняет старый друг, он же незнакомый гость. – Иными словами, я – это просто я, наконец-то. Все на месте и ничего лишнего. А Ночной Кошмар, единственный и неповторимый, – это у нас сэр Макс. Он же кровожадное чудовище, он же дикое дитя степей, он же властелин несметных россыпей менкальего навоза, он же...

– Ну все, понеслось, – ухмыляется Макс. – Франк, ты, кажется, говорил, что Стражи – существа настолько совершенные, что Вселенная не может этого выносить? Полностью разделяю ее чувства. Но Триша его почти не слушает.

– Оба сразу, – повторяет она вслух. – Оба сразу, надо же. Не понимаю, как это. Не могу вообразить.

– А тут и воображать нечего, – мягко говорит гость. – Я – это просто я. Как ты – это ты, Триша. Ничего сложного.

– Ладно, спрошу иначе, – вздыхает она. – Завтра или послезавтра... Словом, потом, когда ты отсюда уйдешь, кто будет вспоминать этот вечер? Ахум или друг Макса?

– Оба, – он улыбается до ушей, довольный, что снова ее озадачил. – Потому что Ахум и друг Макса – это один человек. Просто всем остальным кажется, будто нас двое. И нам самим тоже так кажется, почти всегда. Но не сейчас, хвала Магистрам, не сейчас!

Это выражение – «хвала магистрам» – Триша от Ахума прежде не слышала. Зато так часто говорит Макс и все его гости тоже.

– Так странно, – вздыхает она. – Вроде бы ты и в то же время не ты. Совершенно непонятно, как теперь с тобой быть. Я даже не могу решить, стесняюсь я тебя или нет, представляешь?

Он укоризненно качает головой.

– Ты уже меня когда-то стеснялась, целый вечер, когда я впервые сюда зашел. Да так, что кружку с чаем мне на колени опрокинула. А сегодня у тебя в руках огромная сковорода, поэтому даже не вздумай!

– Тогда ты подарил мне кольцо для сна, – вспомнила Триша. – Такое невзрачное, скрученное из проволоки и ниток. Я его до сих пор часто на ночь надеваю, и тогда во сне у меня на пальце появляется перстень с большим синим камнем, поглядев на него, сразу вспоминаешь, что спишь и видишь сон, и спать становится гораздо интереснее. Да, уж ты умеешь делать подарки!

– Рехнусь я, вас слушая, – смеется Макс. – Только что мы задушевно беседовали о менкальем навозе, и все было хорошо. А теперь я понимаю, что сэр Мелифаро – не совсем тот самый сэр Мелифаро, который... Может, мне тоже начать стесняться?

– Да на здоровье. Пока у тебя в руках ни сковородки, ни даже кружки с чаем, это совершенно не опасно.

– Омлет почти готов, – объявляет Триша. – Салат и пирог уже на столе. Осталось дождаться Меламори, и...

– Если ее ждать, пирог зачерствеет, салат прорастет, а из омлета вылупятся жареные цыплята, – говорит Ахум. – Леди сейчас так завалена работой, что для нее не только между Мирами прогуляться, но и пообедать проблема. Страшная месть шефа за затянувшиеся каникулы. А вы тут этого людоеда, рассказывают, какими-то неопикуемыми напитками угощали. Я тоже хочу.

Все-таки очень удивительно узнавать от старого друга Ахума о том, как дела у Меламори. От этого у Триши голова кругом идет. Хорошо хоть за омлетом следить надо, нельзя по-настоящему прийти в смятение, когда у тебя еда на плите. Но омлет скоро дожарится – и что тогда?

– Будут тебе напитки, – говорит Франк. – Кофе и все, что пожелаешь. Но учти, за напитки тут принято платить историями. Что до меня, я предпочел бы историю сэра Мелифаро. О жизни Ахума Набана Дуана Ганабака я и так знаю немало. А вот сэр Мелифаро для меня пока темная лошадка.

– Ладно. История сэра Мелифаро, пусть так. Я сегодня на диво покладистый, даже неловко немного перед беднягой Ночным Кошмаром. Он-то небось рассчитывал как следует побраниться со мной после долгой разлуки, а я не в форме.

– Ничего страшного, – тоном благовоспитанного ребенка, которому не купили обещанное мороженое, говорит Макс. – Я как-нибудь потерплю.

История, – думает Триша. – Конечно, будет же история. Вот и ответ на вопрос, что делать, когда дожарится омлет. Слушать, что ж еще? И какая разница, кто рассказывает.

– Нынче вечером сбылись сразу две мои сладчайшие мечты, – говорит Ахум-Мелифаро, подкладывая себе очередную порцию салата. – Не могу сказать, что жизнь моя вовсе лишилась смысла, но надо будет срочно придумать что-нибудь новенькое, столь же несбыточное, чтобы хоть на пару-тройку лет хватило.

– Небось пожрать хотел в таком виде? – Ухмыляется Макс. – Во всей, так сказать, полноте?

– Вечно с тобой так. Вроде балбес балбесом, и в людях совершенно не разбираешься, а стоит расслабиться и – хлоп! – вдруг выясняется, что ты читаешь меня, как открытую книгу. Никогда не мог к этому привыкнуть.

– Хочешь сказать, я угадал?

– Почти. Не то чтобы я хотел именно пожрать. Но разнообразия ради обрести целостность не в пустоте бесконечных коридоров, пролегающих между Миром и его Темной Стороной, а в каком-нибудь приятном местечке вроде этого вашего трактира, и развлекаться вместо того, чтобы стоять на страже – о да, о такой возможности я мечтал с того самого дня, как впервые попробовал на вкус свое подлинное предназначение. Сказать, что я сейчас счастлив, будет изрядным преуменьшением. Я и слова-то подходящего не знаю.

– Да, – кивает Франк, – такие каникулы совершенно необходимы Стражу. Рано или поздно ты бы, не сомневаюсь, изыскал способ приятно провести время с самим собой и подходящее для этого место. Но я очень рад, что это впервые случилось с тобой именно в моем доме. Я, можно сказать, коллекционирую события, которые имеют значение. Большая редкость, ни на одном известном мне блошином рынке не отыщешь, об антикварных лавках уже и не говорю.

– А вторая мечта? – Нетерпеливо спрашивает Макс. – Ты сказал, их две. И насчет второй у меня ни единой стоящей версии. Хороша «открытая книга», в которой добрая половина страниц не разрезана!

– На самом деле ты вполне мог бы догадаться. Хочешь подсказку? Эта мечта принадлежит только сэру Мелифаро из Echo. Ахуму такое и в голову не пришло бы.

Макс хмурит лоб, чертит вилкой узоры на столешнице, исцарапанной сотнями его предшественников, которым тоже было о чем подумать, сидя за этим столом, Триша тому свидетель.

– Нет, не знаю, – наконец говорит Макс. – Давай уж, колись. Могу за это отдать тебе свою порцию – а пироги у Франка такие, что я бы на твоём месте не торговался.

– Ладно, не стану. А все равно удивительно, что после стольких лет знакомства ты не догадался, что больше всего на свете мне хотелось, чтобы однажды ты уставился на меня, открыв рот от восхищения. Но так ты глядел только на нашего шефа, да и то по большим праздникам. А сегодня, когда я вошел в сад, ты смотрел на меня именно так, как требуется. И вид у тебя при этом был даже более идиотский, чем в моих самых упоительных мечтах.

Макс недоверчиво качает головой, улыбается, но только одной половиной рта, словно не решил пока, смешно ему или нет.

– Врешь небось, – говорит он. – А все равно мог бы выдумать что-нибудь более убедительное. Это же такая ерунда – как я на кого смотрю.

– Как по мне, вообще все ерунда. Без исключения. Но это совершенно не мешает мне радоваться, страдать, чего-то хотеть, чего-то бояться, любить, тосковать, торжествовать и злиться. Практика всегда гораздо глупее, чем теория, но значение имеет только она – наша подлинная живая нелепая жизнь.

Что с нами происходит, и как мы себя в связи с этим чувствуем – это действительно важно. А рассуждения по этому поводу недорого стоят, даже самые разумные.

– Пожалуй. Но я все равно не понимаю, на кой черт тебе сдался мой восхищенный взгляд?

– Просто я сам пару раз на тебя так пялился. Захотелось сравнять счет.

– Ну надо же, – вздыхает Макс. – Ничего себе – «открытая книга». Могу представить, сколько еще сюрпризов меня сегодня ждет.

– Не можешь, – безмятежно улыбается гость. А Франк уже ставит на плиту джезву, а на стол – свои песочные часы. Сэр Мелифаро ничего не знает ни об этих часах, ни о возможности остановить время в отдельно взятом запертом помещении, прежде ему в голову не приходило, что можно вытворять подобные штуки. Зато о свойствах часов хорошо осведомлен Ахум. В сумме получается гость, который все прекрасно понимает и не задает вопросов, но смотрит очень внимательно – на часы и по сторонам, на тот случай, если какие-то из произошедших перемен окажутся зримыми.

– Ладно, – наконец говорит он. – Я и сам знаю, что дело за мной. Только чур часть платы вперед. Без глотка кофе я рта не раскрою.

– Можно больше, чем глоток, – взволнованно говорит Триша. – Гораздо больше! Только не тяни.

Обжора-хохотун

История, рассказанная сэром Мелифаро

Мой отец прославился как великий путешественник и автор «Энциклопедии Мира», наиболее полного на сегодняшний день описания завиральных легенд, бессмысленных предрассудков, дурных манер и нелепых нарядов обитателей всех четырех континентов. А один из старших братьев, посвятивший свою жизнь высокому искусству морской охоты, хорошо известен населению вышеупомянутых континентов как гроза омывающих их морей. Может показаться, что я по-родственному преувеличиваю его заслуги, но факты говорят сами за себя: сэр Анчифа Мелифаро заочно приговорен к смерти во всех

варварских землях, где еще в ходу обычай казнить пиратов, и к умопомрачительным штрафам в более цивилизованных странах. Профессор, чьи лекции по международному праву были столь увлекательны, что я посетил их не то три, не то целых четыре раза, считал, что на примере Анчифы очень удобно сравнивать законодательные системы разных государств, благо вреда он всем причинил примерно поровну, никого не обошел вниманием. Даже если у страны нет выхода к морю, ее смысленные граждане обычно изыскивают способ добраться до побережья, подняться на борт первого попавшегося корыта и таким образом приблизить день незабываемой встречи с моим знаменитым братцем.

В детстве я, понятно, был уверен, что тоже стану великим мореходом – пиратом, или просто путешественником. Я не видел разницы между этими занятиями, хотя отец с братом хором утверждают, что ремесло пирата гораздо более надежное и прибыльное, чем полная опасностей, но практически не обремененная низменной выгодой деятельность исследователя.

«Великим» – это я ввернул для красного словца, на самом деле мало что интересует меня меньше, чем величие. Опера, кошачье дерьмо, вареная пумба – и, пожалуй, все. Мне даже в детстве было наплевать, прославлюсь я или нет, каких размеров памятник мне поставят на центральной площади, и что в связи с этим подумают обо мне Его Величество Гуриг Восьмой, Завоеватель Арвароха Тойла Лиомурик Серебряная Шишка и мой блистательный братец Анчифа. Лишь бы мне самому нравилось, что я делаю, лишь бы это было интересно и увлекательно. Лишь бы не скучать.

Ничего не было для меня страшнее скуки. А испытывал я ее гораздо чаще, чем хотелось бы. Хотя развлекал себя изо всех сил.

Развлекать себя – это, можно сказать, главное дело моей жизни. Так уж я устроен.

Чем бы я ни занимался, я всегда одновременно наблюдаю за собой со стороны – естественно, как зритель в театре. Вижу свои жесты, слышу реплики, оцениваю, сопереживаю. Но, увы, не могу ни уйти, ни даже отвернуться, когда представление мне не по вкусу. Зато могу вмешаться и на ходу переключить сценарий, если, конечно, хватит ума и таланта угодить самому привередливому в мире зрителю – себе.

Так было и в раннем детстве, и потом; то есть, иначе просто никогда не было. Я долго не знал, что большинство людей устроено по-другому, а когда узнал, не поверил; в конце концов, я принял эту концепцию к сведению, но до сих пор с трудом представляю, каково это – не видеть себя со стороны. И как вам всем при этом удается время от времени сносно выглядеть, говорить забавные вещи и делать красивые жесты. Для кого старается тот, кто лишен самого главного, бесконечно заинтересованного и пристрастного, единственного имеющего подлинное значение зрителя? Этого я до сих пор толком не понимаю.

Я-то всегда старался для самого себя, вернее, для своей половины, неподвижной, сосредоточенной, пристрастной и чрезвычайно заинтересованной в происходящем. Об окружающих я поначалу не задумывался вовсе, а когда все-таки задумался, решил: что хорошо для меня, сойдет и для них, а кому не нравится, пусть идет в оперу. Лично я не любитель громкого пения и патетических гримас, но многим, говорят, это по вкусу.

...Незадолго до моего рождения отец отправился в свое знаменитое кругосветное путешествие и счастливчика Анцифу с собой прихватил. Дома с мамой остался мой самый старший брат Бахба, он единственный в семье в полной мере унаследовал добродушный нрав наших предков эхлов, их внушительные размеры и сверхъестественные способности к ведению натурального хозяйства. Собственно, только благодаря Бахбе наше имение до сих пор не пошло прахом, несмотря на совместные усилия безалаберных родителей и дотошных чиновников из Управления Больших Денег.

Братец Бахба всегда старался любить меня на расстоянии – я для него даже сейчас слишком шустрый, а уж в детстве моя прыть, надо думать, приводила его в ужас. Поэтому мама была вынуждена справляться со мной в одиночку; о том, как это было непросто, свидетельствует тот факт, что бедняжка так и не нашла времени придумать мне имя или хотя бы выбрать одно из тех, что предлагал отец, – он, как это часто бывает, слишком увлекся процессом и вносил до полусотни предложений в день до тех пор, пока идея давать ребенку какое бы то ни было имя, не начала вызывать у обоих родителей непреодолимое отвращение. По их милости я так и живу безымянным; впрочем, окружающие считают, что в этом есть некоторый шик.

Позже мама приложила немало усилий, чтобы убедить себя и других, будто мое детство вовсе не было для нее бесконечным кошмаром. Это у нее более-менее получилось; по крайней мере, истории о моих выходках теперь звучат в маминых

устах почти так же забавно, как хроники магических войн эпохи Ульвиара Безликого. И глаз у нее при этом уже почти не дергается, и подбородок не дрожит.

При этом я не был что называется «скверным мальчишкой» – не проявлял ни злости, ни назойливости, ни даже особого упрямства. Просто очень не любил скучать. Беда в том, что самые захватывающие развлечения почему-то всегда сопряжены с риском для жизни, так уж все устроено. Дурацкая вселенная с дурацкими законами природы. Будь моя воля, все переделал бы.

Когда маме окончательно надоело вытаскивать меня из птичьих гнезд и лисьих нор, снимать с крыш, выпутывать из рыбацких сетей, разбирать дымоходы, в которых я регулярно застревал, и лазать за мной в колодцы, куда я то намеренно забирался, то сдуру проваливался, она решила, что мне следует заняться делом, и наняла домашних учителей, полдюжины сразу. Двое должны были стеречь окна, еще один – дверь, а трое оставшихся – говорить одновременно на разные темы. Бедная мама надеялась, что таким образом им худо-бедно удастся меня развлечь. Первые полчаса так и было, однако потом учеба показалась мне довольно скучным занятием. Поэтому читать, писать и считать я выучился на первом же уроке, чтобы отвязались. Но они, конечно, не отвязались, и мне пришлось усвоить еще хренову прорву знаний, по большей части полезных, но не слишком занимательных.

Окончательно затосковав, я удрал из дома. Собирался отправиться в Арварох, о котором не знал ничего, кроме того, что он где-то на самом краю Мира, гораздо дальше, чем, к примеру, Гугланд, и это меня совершенно устраивало. Но добрался я, увы, только до окраины Ехо – именно туда прибыл соседский амобилер, под сидением которого я спрятался. Впрочем, я не был разочарован. Для ребенка, выросшего в загородном имении, столица Соединенного Королевства – место, где заскучать решительно невозможно, по крайней мере, поначалу.

Я провел там примерно сутки, успел обзавестись доброй дюжиной новых приятелей, всласть поплавать в Хуроне, ввязаться в три драки, покорить сердце торговки сладостями, переночевать в чужом саду, стащить драгоценную брошь в ювелирной лавке, подарить ее незнакомой женщине, которая годилась мне в бабки, но показалась красавицей, и много чего еще. В финале я добрался до Речного порта, где перед начинающими искателями приключений открываются самые что ни на есть восхитительные возможности, но тут-то меня

и поймали. Я толком не понял, как это случилось: только что стоял, смотрел на корабли, и вдруг – хлоп! – уже сижу высоко-высоко, на чьем-то плече, незнакомый мужской голос говорит: «Вот ты куда забрался. Какой молодец! А теперь поехали домой».

Я, честно говоря, был совсем не против вернуться домой. А потом еще раз оттуда сбежать, пусть снова ищут, ловят и везут обратно, так даже лучше, потому что два коротких путешествия – я не зря учил арифметику – больше, чем одно, даже очень длинное. А сто путешествий – это уже по-настоящему интересная жизнь, думал я, сидя на чужом плече и великодушно воздерживаясь от искушения плюнуть на чей-нибудь тюрбан. Только надо все время убегать в какую-нибудь другую сторону. Потому что в одну и ту же – скучно... Интересно, кстати, сколько их всего – сторон, в которые можно ходить? И что делать, когда они закончатся?!

– Сколько всего сторон, в которые можно ходить? – спросил я человека, который нес меня на плече, поскольку в ту пору считал любого взрослого источником более-менее достоверной информации об окружающем мире.

– Четыреста восемнадцать миллиардов двести сорок пять миллионов семьсот двадцать три тысячи пятьсот семьдесят шесть, – уверенно ответил он.

Я запомнил это число на всю жизнь. А тогда призвал на помощь все свои познания в арифметике, вспомнил, что даже всего один миллиард – это слишком много, чтобы можно было сосчитать на пальцах всех окрестных жителей, обдумал ситуацию и решил, что такое положение дел устраивает меня целиком и полностью.

Так я познакомился со своим будущим шефом, сэром Джуффином Халли. В ту пору он был чем-то вроде друга нашей семьи. Никогда не спрашивал, как он сошелся с моими родителями, но подозреваю, что случилось это в Смутные Времена и, готов спорить, при каких-нибудь драматических обстоятельствах. По моим наблюдениям, друзьями шефа как правило становятся люди, которых он в свое время поленился убивать – при его профессии свести близкое знакомство каким-то иным способом довольно затруднительно.

Так или иначе, но когда случаются серьезные неприятности, родители зовут Джуффина на подмогу. И когда я пропал, мама послала ему зов – а что еще было

делать?

Встреча с великим человеком не произвела на меня особого впечатления. Собственно, я тогда так и не узнал, как его зовут, и даже толком не запомнил, как он выглядел, потому что прежде, чем ехать домой, мы зашли в лавку, где торговали игрушками-головоломками, я вцепился в первую попавшуюся, и забыл обо все на свете, даже о самом себе, а такого со мной еще никогда не случалось. Дорогу домой я помню смутно, но, судя по всему, сэр Джуффин благополучно доставил туда меня и увесистый пакет с хитроумными игрушками. Их мне хватило, чтобы не заскучать до конца года, а потом мама сама наведальась в ту замечательную лавку, и еще раз, и еще. А потом вернулись отец с Анчифой, и к моим головоломкам прибавились их захватывающие истории о приключениях. Историй хватило на великое множество вечеров, поэтому побег в Арварох пришлось отложить на неопределенный срок; собственно, я до сих пор так и не выбрал время туда съездить.

Отец, надо отдать ему должное, быстро сообразил, что со мной делать, и устроил все наилучшим образом – стал отсылать меня поочередно во все школы, какие только были в Соединенном Королевстве. Он не старался отыскать школу получше, а перебирал все подряд, по алфавитному списку, рассудив, что я через несколько дней сбегу отсюда куда угодно. А если вдруг решу где-то задержаться, значит, эта школа и есть подходящая, другого способа проверить, в любом случае, не существует.

Сразу скажу, что такой школы, где мне захотелось бы задержаться больше, чем на пару дюжин дней, в Соединенном Королевстве так и не обнаружилось, зато я вдоль и поперек изъездил всю страну, увидел больше сотни городов и селений, пережил великое множество захватывающих, но вполне безобидных приключений, всякий раз добираясь домой из нового места. При этом какие-то знания неведомым образом все же появлялись в моей голове; их, как ни удивительно, с избытком хватило, чтобы выдержать вступительные экзамены в Королевскую Высокую Школу, когда пришел срок. Экзамены – это вообще была моя стихия, я бы с удовольствием сдавал их каждый день, с утра, разминки и бодрости ради. Быстро найти правильный ответ на трудный вопрос – ни с чем не сравнимое удовольствие. В итоге, все кончилось тем, что я сделал это своей работой – блестящая была идея, даже жаль, что не моя.

Учеба в Королевской Высокой Школе показалась мне такой же пустой тратой времени, как начальное образование, зато студенческая жизнь пришлось

по вкусу. Компания подобралась отличная, ночными попойками в трактирах за Королевский счет наши совместные развлечения не ограничивались, а репутация самого способного и изобретательного шалопаю за всю историю учебного заведения была мне, чего греха таить, приятна. Мои товарищи и даже учителя оказались куда менее прихотливыми зрителями, чем я сам, угодить им было нетрудно, и я, никогда прежде не придававший значения чужим аплодисментам, не то чтобы стал высоко их ценить, но привык ежедневно снисходительно принимать. Привычка, как это обычно случается, вскоре превратилась в насущную потребность, восхищение окружающих стало мне необходимо, как табак курильщику, только вряд ли хоть один заядлый курильщик натворил столько глупостей ради табака.

Впрочем, я был бы не я, если бы мне не надоело и это. Не так быстро, как могло бы, но все-таки.

Тогда я в очередной раз попытался развлечь себя учебой. Некоторые науки более-менее занимали ум, но тело при этом отчаянно скучало; в поисках выхода я придумал математические бои, которыми, как я слышал, до сих пор увлекаются старшекурсники Королевской Высокой Школы – по правилам состязания, наносить удары противнику можно только попутно решая предложенное им уравнение, по формуле на удар. Это нововведение пришлось по вкусу некоторым преподавателям, наш историк, помню, даже зачеты одно время принимал на ринге, только вместо уравнений выбивал из студентов имена королей и даты великих битв, неплохое вышло развлечение, жаль, что все остальные не решились последовать его примеру.

Так или иначе, но пару дюжин лет в Королевской Высокой Школе я худо-бедно выдержал.

Я не из тех, кто тщательно планирует свое будущее, но в ту пору нередко о нем задумывался, поскольку начал понимать, что если так и не найду себе занятия по вкусу, маята, чего доброго, растянется на всю жизнь.

Идти по стопам отца и брата я к тому времени уже передумал. Кругосветные путешествия и пиратские рейды кажутся интересными, пока не задашься вопросом, чем занять себя, пока твой корабль болтается в море. Каждый день один и тот же пейзаж – от этого можно свихнуться, причем в первый же вечер. Путешествия по суше привлекали меня несколько больше – во всяком случае, хоть какая-то смена впечатлений гарантирована. Но мотаться туда-сюда

без дела, цели, азарта и хорошей компании – дурацкая затея, это я даже тогда прекрасно понимал.

Короче говоря, я был изрядно растерян. Взрослая жизнь, начала которой я нетерпеливо ждал долгие годы, с близкого расстояния виделась такой унылой тягомотиной, что хоть обратно в мальчишку превращайся. По крайней мере, школ, из которых можно убежать домой, хватило бы еще на пару-тройку дюжин безмятежных лет. Но необходимыми для такого превращения магическими приемами я не владел; собственно, я, как и все мои ровесники, родившиеся в начале Эпохи Кодекса, вообще не обучался магии, кроме самых примитивных и скучных фокусов, годных, по большей части, для ведения домашнего хозяйства. Потерянное поколение, что тут говорить. Хвала Магистрам, нынешним детишкам в этом смысле повеселее живется.

Родители в один голос твердили, что я пошел в своего деда Фило, бывшего Старшего Магистра давным-давно распущенного Ордена Потаенной Травы, и наверняка унаследовал его незаурядные способности, но возможности проверить эту оптимистическую гипотезу не было. В ту пору легально обучаться магии можно было только поступив в Орден Семилистника, но туда меня, ясное дело, и на порог не пустили бы. Мой блудный дед, конечно, не Лойсо Пондохва, но нервы Великого Магистра Мони Маха в свое время потрепал изрядно.

Я, понятно, говорил, что плевать хотел на колдунов из Семилистника и их дурацкие фокусы, но на самом деле был сам не свой от огорчения, потому что, если верить рассказам старших, магия была куда более увлекательным занятием, чем школьная наука, да и жизнеописания Великих Магистров, хранившиеся в нашей домашней библиотеке, оказались захватывающим чтением, такая жизнь наверняка пришлось бы мне по вкусу, думал я, листая страницы, эх, сам дурак, слишком поздно родился.

В конце концов я решил разыскать деда. Если уж по его милости меня никогда не примут в единственный действующий магический Орден, пусть сам учит меня всему, что знает. На учебу, которая, судя все по тем же жизнеописаниям Великих Магистров, обычно занимала столетия, я, привыкший ловить все на лету, легкомысленно отводил в своих расчетах примерно три-четыре года, но понимал, что сами поиски могут оказаться очень долгими. Никто не знал, где сейчас обретается Магистр Фило Мелифаро, зато все мои домашние в один голос твердили, что обычно он внезапно обнаруживается там, где его только что не было, умудряясь при этом отсутствовать даже в том месте, где сейчас

находится. Это позволяло надеяться, что искать деда будет не менее увлекательно, чем решать самую сложную головоломку – развлечение совершенно в моем вкусе. Скука морских путешествий по-прежнему казалась мне мрачной перспективой, но я рассудил, что человека, который может находиться абсолютно где угодно, вовсе не обязательно искать на другом континенте. Начать можно и с родной Хонхоны, а там поглядим.

Приняв решение, я быстренько обошел всех преподавателей и договорился о досрочной сдаче выпускных экзаменов. Не то чтобы мне действительно требовался диплом, просто экзамены, как я уже говорил, единственное, что мне по-настоящему нравилось в процессе обучения, и я не собирался упускать возможность как следует поразвлечься. С давно забытым удовольствием я засел за книги и через несколько дней навсегда расстался с Высокой Школой. Сдав последний экзамен, в то же утро расплатился с хозяином квартиры, поручил ему отправить мои вещи в родительское поместье, а сам помчался туда налегке, чтобы, не откладывая, осчастливить родителей прекрасной, по моему мнению, новостью – я отправляюсь искать деда и, вполне возможно, никогда не вернусь. Я был искренне уверен, что они за меня порадуются. Когда наш Анчифа подался в пираты, родители хором сказали: «Лишь бы тебе было хорошо». Я планировал услышать примерно то же самое, поужинать и начать сборы в дорогу.

...Мой путь в родительское поместье обычно пролегал через мастерскую старого Шейшо. Там можно взять напрокат амобилер – старый и страшный, как проклятие Анавуайны, зато в любое время суток и за сущие гроши. Именно то, что требуется бедному студенту.

Но у самого входа в мастерскую я наткнулся на практически непреодолимое препятствие. Препятствие звалось Бугаги Удубан, оно было самым непутевым из послушников Ордена Семилистника и моим приятелем, вернее, приятелем любого столичного студента, готового угостить его выпивкой.

Бугаги был сыном одного из богатейших торговцев Соединенного Королевства, его корабли в ту пору возили чуть ли не половину всех уандукских товаров, большую часть которых составляют предметы роскоши, жизненно необходимой всем столичным жителям, включая портовых нищих. По Ехо который год ходили слухи о фантастической сумме, которую Удубан-старший пожертвовал Ордену Семилистника, чтобы увидеть свое чадо среди послушников и в один прекрасный день обзавестись персональным семейным Магистром, однако сам Бугаги получал на карманные расходы всего три короны в год – таким образом

наивный родитель собирался приучить первенца к экономии. Но не тут-то было, Бугаги в первый же вечер пускал на ветер свое годовое содержание, щедро угощая всех желающих; все остальное время он рыскал по городу в поисках возможностей продолжить веселье. Обычно ему везло. В столице Соединенного Королевства полным-полно добрых, компанейских людей, готовых пропить предпоследнюю рубаху, при условии, что потенциальный собутыльник одет в бело-голубое лоохи Ордена Семилистника – полезными знакомствами у нас разбрасываться не принято. Застольным встречам с добрыми людьми Бугаги посвящал все свое время, в Иафах заходил только поспать и переодеться, да и то не каждый день, но Великий Магистр Нуфлин Мони Мах, раз и навсегда приятно удивленный щедростью семейства Удубанов, смотрел на художества их отпрыска сквозь пальцы.

Я был одним из множества добрых людей, чья щедрость обеспечивала Бугаги свободу передвижения от трактира к трактиру – при том, что перспектива завести полезное знакомство в Семилистнике не могла меня ни прельстить, ни даже рассмешить. Как и все члены семей, принадлежащих к магическим Орденам, прекратившим существование в ходе войны за кодекс Хрембера, я относился к Ордену Семилистника как к неизбежному злу и считал своим долгом полагать неизбежность этого зла кратковременной.

Однако на Бугаги моя неприязнь не распространялась – он был обаятельным шалопаем и душой любой компании – при условии, что эта компания собиралась за трактирным, а не библиотечным столом. Я, конечно, считал его законченным олухом – а как еще относиться к человеку, который получил уникальную по нынешним временам возможность изучать магию и совершенно ею не пользуется? Но одновременно, чего греха таить, надеялся, что хоть какую-то малость Бугаги все-таки усвоил, и рассчитывал однажды выудить из него эту крупичку тайного знания – надо же с чего-то начинать.

Вот и теперь я рассудил, что поиски деда дело хорошее, но долгое, а попробовать разговорить Бугаги можно прямо сейчас, благо пара-тройка горстей в моем кармане найдется, да и повод выпить есть – грех не отпраздновать окончание учебы, сколь бы грандиозные планы не были составлены на завтрашнее утро.

Бугаги еще издали увидел в моих глазах готовность обеспечить его ближайшее будущее, обнял меня, как внезапно обретенного брата и поволок по направлению к улице Белых Домов, где находился его любимый трактир

«Бешеный скелет». Эта забегаловка была самой замызганной, дешевой и популярной из бесчисленных «скелетов» и, пожалуй, оставалась бы таковой по сей день, если бы уцелела после нашей с Бугаги Удубаном пирушки.

Забегая вперед, сразу скажу, что гибель «Бешеного скелета» вовсе не входила в мои планы – ни кратковременные, ни долгосрочные. Я даже напиваться там не собирался – решил, что пропущу стаканчик за компанию, а если разговор о магии в очередной раз не заладится, распрощаюсь и поеду домой.

Разговор, однако, заладился. Причем мне даже прикидывать, с чего бы начать, не пришлось. Бугаги, начавший праздновать наступление очередного дня своей жизни задолго до нашей встречи, поглядел на меня с лукавым прищуром выпивохи, который только что придумал, как увеличить грядущую порцию, и громким шепотом сказал:

– А спорим, ты не знаешь, как у нас в Ордене принято открывать бутылки!

– И спорить не буду, – согласился я. – Чего не знаю, того не знаю.

– Тогда закажи не два стакана, а целую бутылку, – Бугаги так разволновался, что его шепот звучал громче иного крика. – Я тебе покажу. Восьмая ступень черной магии стоит бутылки вина?

– Не вопрос, – согласился я.

Еще бы. За применение черной магии восьмой ступени в общественном месте, согласно нашему тогдашнему законодательству теоретически вполне можно было на полгода загреметь в Холоми; впрочем, на деле виновные обычно просто получали строгое внушение из уст Почтеннейшего Начальника Тайного Сыска сэра Джуффина Халли, который справедливо полагал, что на всех дураков камер не напасешься. Но такая перспектива пугала желающих поворожить куда больше, чем комфортабельные камеры Королевской тюрьмы для магов. Смутные времена, когда Кеттариец ежедневно выходил на охоту за головами врагов Короля и Магистра Нуфлина, давным-давно миновали, но привычку бояться его пуще Анавайны столичные жители сохранили надолго.

Я-то с детства догадывался, что все это глупости. Как можно всерьез бояться человека, который не то чтобы часто, но примерно раз в дюжину лет обедает

с твоими родителями? Сам я на этих вечеринках никогда не присутствовал, но представить мамин пирожок в зубах жестокосердного злодея не мог, как ни старался – я твердо знал, что скверных людей в нашем доме кормить не станут.

А мой приятель мог позволить себе не бояться Джуффина по другой причине. Вообще-то в первые годы после принятия Кодекса Хрембера считалось, что все равны перед законом, но после того, как несколько самых молодых, способных и горячих Магистров Семилистника один за другим угодили в Холоми, Магистр Нуфлин Мони Мах поспешно пересмотрел свое опрометчивое решение. С тех пор власть Управления Порядка не распространяется на орденских Магистров и даже послушников. Так что Бугаги, в случае чего, предстояло иметь дело всего лишь с Великим Магистром Нуфлином, чья снисходительность была куплена заранее предусмотрительным родителем.

Бугаги, похоже, сам только теперь это осознал и выглядел отчаянным храбрецом. Сверкал очами, размахивал руками и громко требовал поторопиться с заказом. К нашему столу стали понемногу стекаться охочие до развлечений выпивохи. Их можно понять – в эпоху Кодекса Черная магия, превышающая обожаемую домохозяйками и дозволенную законом вторую ступень, стала редким зрелищем. А тут юнец в орденских одеждах магическое представление учинить собрался. Мне и самому было страсть как интересно, что сделает Бугаги. Прежде он таких фокусов не показывал, и вообще никаких – то ли осторожничал, то ли просто ничего не умел, а накануне вечером случайно выучился.

Бутылка недорогого, но приятного на вкус муримахского вина была принесена и с приличествующей случаю торжественностью водружена в центре стола. Бугаги Удубан обвел притихшую аудиторию надменным взором и отвесил мне своего рода поклон, так что его подбородок практически коснулся столешницы – дескать, совершаю свое великое деяние в твою честь, так и знай. После чего прикоснулся к бутылке указательным пальцем левой руки. Пробка с мелодичным свистом взлетела к потолку, из горлышка повалил разноцветный дым, а Бугаги надулся, как индюк и приготовился с достоинством принять восхищение толпы.

Однако присутствующие были скорее разочарованы, чем восхищены. Птичий свист да разноцветный дым – такими фокусами разве только детишек развлекать, здешняя публика явно рассчитывала на что-то более эффектное. Пожимая плечами, завсегдатаи «Бешеного скелета» разошлись по своим местам, и у Бугаги остался только один заинтересованный зритель – я.

– Дырку над тобой в небе, отличный фокус! – сказал я. – Мне бы он очень пригодился. Девчонкам такие штуки нравятся. Научишь?

В другое время Бугаги послал бы меня подальше. Дружба дружбой, бутылка бутылкой, а обучение магическим приемам лица, не принадлежащего к Ордену – это уже серьезное преступление. Застукай нас кто за таким занятием, тут, пожалуй, и деньги Удубана-старшего не помогли бы виновнику избежать долгого заключения – не в Холоми, так в подвалах Иафаха, где, по слухам, гораздо менее комфортно. Бугаги уж на что был балбес, а хорошо это понимал – в отличие от меня. Я-то наивно полагал, что моему приятелю еще и не такое с рук сойдет, а то бы, пожалуй, не стал втягивать его в неприятности.

Но так уж вышло, что я выбрал самый благоприятный момент. Подвыпивший Бугаги только что лишился внимания большой аудитории, запил эту беду полным стаканом крепкого муримахского вина и теперь был готов на все, лишь бы не лишиться единственного благодарного зрителя.

– Это большой секрет, – его шепот был по-прежнему слышен во всем зале и хорошо, если не на улице. – Орден очень дорожит этой тайной! Поэтому, если ты хочешь научиться, придется заказать еще две бутылки. А лучше шесть – вряд ли у тебя с первого раза получится.

Я мысленно пересчитал свою наличность и твердо сказал:

– Три бутылки, Бугаги. На большее у меня горстей не хватит.

– Три? – Разочарованно переспросил мой первый учитель магии. Помолчал, подумал, окинул взглядом зал, убедился, что более выгодных предложений в ближайшее время не поступит, и отчаянно махнул рукой. – Ладно, три, так три. Но если с двух попыток не научишься, сам виноват.

– Почему с двух? С трех.

– Первую бутылку я открою сам. Должен же ты еще раз поглядеть, как это делается.

– Ладно, – согласился я. – Погляжу.

Бутылки прибыли. Бугаги немного потянул время, явно надеясь снова собрать публику, однако посетители «Бешеного скелета» не собирались заново отрывать задницы от стульев ради детского фокуса. Бугаги вздохнул, неохотно смиряясь с равнодушием неблагодарной толпы, и наконец принялся объяснять:

– Значит так. Что я делаю пальцем, ты сам увидишь, только гляди внимательно и запоминай, а то придется начинать сначала. Но палец – это еще не все. Палец – это пустяки. Важно, чего ты хочешь и о чем думаешь, когда щелкаешь по бутылке. В этот момент надо представить себе, что бутылка уже открыта, и тогда она откроется, уж не сомневайся. А если не сможешь сосредоточиться и представить, тогда стучи, не стучи, ничего не выйдет.

– Представить? – я ушам своим не верил. – Просто представить, что бутылка уже открыта, и все? А заклинание? Я слышал, Черной магии без заклинаний не бывает.

Бугаги скривился. Мне стало понятно, что он не собирался всерьез меня учить. Да и зачем? Дело сделано, вино куплено, а потерпев неудачу, я только еще выше оценю недоступное мне искусство и самого мастера.

Но не тут-то было. Теперь меня разобрало по-настоящему. Терпеть не могу, когда меня так бездарно дурачат. Я не против розыгрышей как таковых – если они остроумны, а исполнители бескорыстны. Но сейчас явно был не тот случай.

– Заклинание, Бугаги, – сказал я. – Давай, выкладывай. И не вздумай что-нибудь перепутать. В твоих интересах, чтобы у меня все получилось. Потому что если не получится, тебе придется проглотить вино вместе с бутылкой. Уж об этом я позабочусь.

Вообще-то я его просто пугал. Не было у меня ни малейшего намерения драться. Времена, когда я лупил всякого, чье поведение не соответствовало моим представлениям о достойном, закончились, когда на третий, что ли, год обучения я увлекся математикой, высчитал коэффициент улучшения человечества методом трепки четырех рыл в сутки и был потрясен ничтожеством полученного числа.

Но репутация такая штука – если уж она у тебя есть, никуда не денется. Поэтому Бугаги ни на секунду не усомнился, что я приведу угрозу в исполнение.

И, смешно сказать, перепугался. Думаю, не столько побоев, сколько публичного позора. Только что блистал, чудеса показывал, и тут же трепку на глазах у недавних зрителей получать – кому охота? А ему еще в этот трактир ходить и ходить, место-то недорогое и популярное.

Бедняга, надо думать, проклял все чудеса на свете и свой болтливый язык за компанию. Наклонился к моему уху и прошептал одно-единственное короткое слово. Смысл его был мне неизвестен, но звучало оно естественно как ругательство. Как выяснилось позже, чутье меня не подвело. Многие заклинания Очевидной магии произошли от древней брани. Думаю, это отчасти объясняет, почему из-за нашего угуландского колдовства чуть не рухнул Мир – невелико удовольствие сотни раз на дню такое выслушивать.

Тогда я всего этого, разумеется, не знал, но понял, что Бугаги меня не обманывает. По глазам его отчаянным было видно, что парень сдался.

– Только вслух это говорить не надо, – добавил мой бедный учитель. – Достаточно про себя произнести. Ну, ты же сам свидетель, что я молчал, когда...

– Ясно, – кивнул я. – Теперь давай, показывай, что надо делать пальцем.

Он показал. Еще одна пробка взлетела к потолку, на сей раз без свиста и дыма – видимо для таких эффектов требуется особый кураж.

– Ну давай теперь ты, – упавшим голосом сказал Бугаги. И поспешно добавил: – Только если не получится, я не виноват. Я тебе все правильно рассказал.

– Там поглядим, – ухмыльнулся я, ощущая прилив неведомого мне доселе вдохновения.

Не то чтобы вправду считал фокус с бутылкой великим делом, просто так уж удачно все сложилось – первый в моей жизни прием запретной магии и одновременно первое настоящее преступление в присутствии толпы свидетелей, да еще и перепуганный до полусмерти член Ордена Семилистника рядом сидит, смотрит заискивающе. От такого у кого хочешь голова кругом пойдет.

Не то чтобы я не выполнил инструкции. Напротив, сделал все в точности, как говорил Бугаги. Просто открытая бутылка, которую я нарисовал перед внутренним взором в тот момент, когда коснулся пальцем прохладного стекла и, не размыкая губ, произнес короткое злое словечко, – эта бутылка была столь огромна, что заслонила собой весь мир. А потом взорвалась с таким грохотом, что мир исчез, и я вместе с ним.

Когда я пришел в себя, в глаза мне светило солнце, а не тусклый грибной светильник, которыми увешаны стены всех трактиров Гоппы Талабуна. Я огляделся и обнаружил, что сижу почти на самой верхушке высокого дерева шотт и обнимаю теплый, шершавый ствол так крепко, словно три дюжины дней кряду добивался от него любви и вдруг получил, что хотел. Как я сюда забрался и, самое главное, зачем я это сделал, оставалось для меня полной загадкой. Мысленно ощупав себя и осторожно пошевелив всеми конечностями по очереди, я убедился, что цел и невредим – и на том спасибо. Но, опустив глаза, увидел, что новое бирюзовое лоохи, всего несколько дней назад купленное в лавке Диролана, обуглилось по краям, а на подоле тонкой, тщательно подобранной по цвету оранжевой скабы зияет здоровенная дыра. Я редко падаю духом, можно сказать, почти никогда, но беспорядок в одежде всегда выбивает меня из колеи. А для состояния моего любимого костюма определение «беспорядок» было, пожалуй, слишком мягким.

Поэтому я далеко не сразу, а только секунды две спустя заметил, что хорошо знакомый мне городской пейзаж удивительным образом изменился. Вообще я люблю разнообразие и приветствую любые перемены. То есть до того момента считал, что любые, но теперь вынужден добавлять к этому утверждению слово «почти». Наблюдаемые с верхушки дерева изменения совершенно мне не понравились.

Во-первых, «Бешеного скелета» больше не было. Я никогда не считал это здание шедевром архитектуры, но следует признать, что оставшиеся от него неопрятные руины украшали улицу Белых Домов гораздо меньше.

Во-вторых, что касается завсегдаев «Бешеного скелета». Не могу сказать, что позы, которые они обычно принимали, устроившись с кружками в руках на жестких стульях, казались мне на диво изысканными. Но это вовсе не означает, что я всю жизнь мечтал заставить этих добрых людей сидеть

и лежать на тротуаре, держась кто за голову, кто за ногу, а кто и за задницу. Нет уж, будь моя воля, я бы оставил все как есть.

В-третьих, деревья. В отличие от своего старшего братца Бахбы, я не унаследовал страсти наших предков к садоводству. Но из этого не следует, будто мне нравится смотреть на вырванные с корнем деревья. Даже если их всего два – те, которые росли у входа в трактир.

Посреди воцарившегося хаоса, прямо на тротуаре возвышалась барная стойка, совершенно не поврежденная. Уцелели даже бесчисленные кружки и стаканы, которыми она была уставлена. Ну хоть что-то было в порядке.

Всякий привычный к умственному труду человек на моем месте непременно задал бы себе вопрос: что произошло? Я же не только сформулировал вопрос, но и сразу нашел ответ.

Ответ мне не понравился. Настолько, что я бы с огромным удовольствием придумал какое-нибудь другое объяснение. Но факты оказались сильнее желания прикрыть свою задницу.

За неимением зеркала я не мог посмотреть себе в глаза, поэтому пришлось ограничиться вопросом: «Ну и кто я после этого?» И уж, будьте уверены, задал я его с подобающей случаю суровостью.

Сформулировав короткий, но исчерпывающий ответ, я начал слезать с дерева. Этому искусству я, хвала Магистрам, выучился чуть ли не раньше, чем ходьбе, а то пришлось бы обниматься с шершавым стволом до самого прибытия господ из Тайного Сыска. Вернее, всего одного господина.

Шурфа Лонли-Локли, бывшего Безумного Рыбника, я хорошо знал в лицо. Время от времени сталкивался с ним в библиотеке Высокой Школы и всякий раз приходил в бешенство от его манеры здороваться. Ну, положим, тот факт, что Лонли-Локли смотрел на всех свысока, вряд ли можно поставить ему в вину – когда твой рост соразмерен скорее с жилыми строениями, чем с нормальным человеческим телосложением, довольно затруднительно взирать на окружающих иначе как сверху вниз. Но каков бы ни был твой рост, желать всем присутствующим хорошего дня следует так, чтобы они не почувствовали себя полными ничтожествами. А Лонли-Локли произносил эти вежливые слова

тоном столь бесстрастным, что становилось ясно: если мы все вот прямо сейчас встанем на голову, взлетим к потолку, отрастим на носу светящиеся грибы или даже умрем в муках, он и бровью не поведет – при условии, что это не помешает ему получить заказанную книгу.

Все знали, что он был не просто служащим Тайного Сыска, а, если можно так выразиться, штатным убийцей при этой конторе. Говорили, что раньше этот тип ходил по городу в Мантии Смерти, в точности как Королевские палачи Древней Династии; впрочем, на моей памяти он всегда был в белой одежде из очень дорогой ткани, но скучного старомодного покроя – чехол для амобилера и то элегантнее. Официально считалось, будто белый цвет символизирует так называемую «истину», иными словами непогрешимость одетого в нее господина. Я, как и большинство горожан, понимал это так – он может в любой момент убить кого пожелает, и никто ему слова поперек не скажет, а напротив, поблагодарят, не разбираясь, чем провинилась жертва.

Словом, я терпеть не мог сэра Лонли-Локли – заочно, просто за то, что он такой есть. И нельзя сказать, что обстоятельства нашего знакомства способствовали внезапному зарождению сердечной симпатии.

Когда я добрался до нижней ветки и приготовился спрыгнуть на землю, он уже стоял под деревом и наблюдал за моим спуском – не заинтересованно, не сочувственно, не злорадно, а все с тем же убийственным равнодушием, которое так достало меня еще в пору наших редких библиотечных встреч. Наткнувшись на его взгляд, я затормозил. Так и остался сидеть на ветке. Не потому что боялся спускаться вниз, просто мне было неприятно двигаться, когда на меня так смотрят. Дорого бы я дал за то, чтобы исчезнуть и оставить его с носом. Но исчезать я тогда не умел.

– Это все из-за меня, – сказал я, махнув рукой в сторону руин. И настойчиво повторил: – Это я сделал.

На чистосердечное признание меня толкнули вовсе не муки совести. Просто мне очень хотелось вывести его из равновесия. Пусть возмутится, рассердится – да хоть убьет меня прямо здесь и сейчас, без суда и следствия, лишь бы не пялился, как на пустое место.

Сейчас-то я хорошо понимаю, что у меня не было ни единого шанса вывести сэра Шурфа из себя. А тогда меня, конечно, взбесило, что этот гад и бровью не повел.

– Я знаю, – кивнул он. – А теперь слезайте. Я вижу, что вам не нужно помогать.

– А вы отвернитесь, – огрызнулся я, в надежде, что это окажется последней каплей, и он все-таки возмутится.

Плохо же я знал Шурфа Лонли-Локли. Строго говоря, я его совсем не знал. Он действительно отвернулся. Я глазам своим не верил. Сдуру решил, что обязан воспользоваться ситуацией и удрать. В противном случае меня попросту засмеют.

Беда в том, что у меня не было решительно никакого опыта в делах такого рода. То есть, я не знал, как следует себя вести настоящему государственному преступнику, чтобы не выглядеть ни смешным, ни жалким в момент ареста. Я, конечно, считал себя отчаянным смельчаком и опасным забиякой, но, сказать по правде, все мои студенческие прегрешения вместе взятые не могли заинтересовать не то что Тайный Сыск, но даже городскую полицию, в ту пору еще менее бдительную, чем на памяти присутствующего здесь Ночного Кошмара.

Куда удирать, как, зачем и где потом скрываться от Тайного Сыска – об этом я не думал. А думал примерно вот что: вряд ли я далеко убегу, зато возможно, в следующий раз арестовывать меня придет кто-нибудь другой. И это будет не так оскорбительно.

Я спрыгнул на тротуар, развернулся и побежал.

Ну, то есть когда я вспоминаю о событиях этого далекого дня, мне приятно описывать свои действия словами «развернулся и побежал». Однако сегодня можно наконец сказать вам – и себе – правду. Я успел только подумать о побеге и, может быть, оторвать от земли одну ногу. Хотя это все-таки вряд ли. А потом меня окутала тьма и я, помню, подумал: надо же, этот гад меня убил!

Что случается с человеком после смерти, неизвестно никому, кроме нескольких давным-давно свихнувшихся под гнетом запретного знания Магистров

и присутствующего здесь сэра Макса, который однажды побывал на том свете лично – шеф послал его арестовать одного обнаглевшего покойника, и какое же счастье, что это было не мое дежурство.

Так вот, что случается с человеком после смерти, я и сейчас-то не очень понимаю, а в ту пору и вовсе представления не имел. Однако даже мне было ясно, что вряд ли мертвецы сидят в полной темноте и с упорством, достойным лучшего применения, думают: «Он меня убил, ну и дела, все-таки убил, надо же, убил!» Но в тот момент я засомневался – а вдруг с теми, кого убил Шурф Лонли-Локли случается именно такая пакость? Все-таки злой колдун, хоть и государственный служащий. Я попробовал изменить положение тела в пространстве, но из этого ничего не вышло. Тело у меня вроде бы все еще наличествовало, а вот пространство, похоже, куда-то подевалось, поэтому сохранившаяся способность двигать руками и ногами оказалась совершенно бесполезной.

От такого открытия впору было бы испугаться по-настоящему, но меня отвлек довольно сильный удар – это невесть откуда появившееся пространство вступило в соприкосновение с моей задницей. Проще говоря, я шлепнулся на пол, по счастью, устланный толстым кеттарийским ковром, да так и остался сидеть, совершенно оглушенный этим событием.

– Сэр Шурф, тебе не кажется, что это довольно невежливо – обращаться с людьми, как с мебелью? – спросил кто-то, а я даже не потрудился обернуться и поглядеть, кому пришла в голову прекрасная и своевременная идея отчитать этого засранца в белом. Но всей душой поддерживал это начинание.

– Учтивость хороша до тех пор, пока не вступает в противоречие с эффективностью, – отозвался Лонли-Локли. – В данном случае я рассудил, что ни одно из моих возможных действий не доставит особого удовольствия сэру Мелифаро, поэтому счел возможным позаботиться в первую очередь о его безопасности, собственном удобстве и, разумеется, скорости. Полагаю, сейчас мне следует вернуться на улицу Белых Домов и заняться решением возникших проблем. Туда, по моим сведениям, отправился отряд Городской Полиции, но, по правде сказать, я не думаю, что в сложившейся ситуации от них будет какой-то толк.

– Лично я вообще не понимаю, почему ты еще здесь, а не уже там.

Где-то за моей спиной хлопнула дверь. Этот звук оповещал, что отвратительного типа в белом больше нет в помещении, а значит, можно оторваться от узоров на ковре и осмотреться, не рискуя в очередной раз наткнуться на его равнодушный взгляд.

– На твоём месте я бы, пожалуй, поднялся с пола, – сказал сэр Джуффин Халли, всемогущий начальник Малого Тайного Сыска, бывший наемный убийца, ловкий интриган, злодей каких мало, неукротимый пожиратель маминых пирожков.

Вопреки городским легендам, это было не утратившее человеческий облик чудовище, украшенное парой изысканных полуметровых клыков, а обаятельный немолодой господин, одетый элегантно, но, на мой взгляд, слишком консервативно: серебристая скаба под жемчужно-серым лоохи, тюрбан и сапоги в тон, не на чем глаз остановить. Впрочем, качество материи и превосходный покрой я оценил.

Обнаружив, что остался наедине с ужасным шефом Тайного Сыска, я почувствовал неопишное облегчение. Не потому что всерьез рассчитывал, будто приятель моих родителей поспежит замять дело и отпустить меня восвояси – мне и в голову не пришло бы ставить вопрос таким образом. Важно было другое – сэр Джуффин Халли не смотрел на меня, как на пустое место. Скорее уж наоборот, как на место гораздо более полное, чем это было на самом деле. То есть, создавалось ощущение, что в его глазах я – персона столь же интересная и значительная, как в собственных, и уже обладаю всеми бесчисленными достоинствами, которые до сих пор существовали только в самых смелых моих мечтах. Это, как оказалось, было необходимым и достаточным условием моего душевного равновесия, я даже про испорченную одежду забыл.

– Ковер довольно мягкий, – заметил сэр Джуффин, сопроводив эти слова приветливой улыбкой гостеприимного людоеда, – но сидеть в кресле все же удобнее.

– Спасибо, – откликнулся я. – Сейчас попробую до него добраться.

– А чего тут пробовать? Ноги у тебя на месте. И не только ноги. Ты весь, целиком в полном порядке.

– Просто похоже, что эта ваша ходячая истина меня заколдовала, – проворчал я, вставая с ковра. – Сейчас уже все нормально, но пару минут назад я ничего не видел, ничего не слышал и шевельнуться толком не мог.

– Ты когда-нибудь наблюдал, как грузчики старой школы переносят тяжести? Из молодежи-то мало кто так умеет, хотя разрешенных Кодексом ступеней магии вполне достаточно. Но ребятам просто негде научиться.

Работу старых грузчиков я, конечно, сотни раз видел в порту. И поэтому натурально взвыл:

– Хотите сказать, он меня уменьшил и спрятал в кулак? И отнес вам, как сундук с барахлом? Да как же так можно с живым человеком?!

– Не в кулак, – педантично поправил меня сэр Джуффин. – Уменьшенный предмет помещается между большим и указательным пальцами. Ты сам слышал, как я упрекал сэра Шурфа за невежливое поведение. Но, между нами говоря, считаю, что он совершенно правильно сделал. Сэкономил кучу времени – собственного, твоего и моего. Теперь вместо того, чтобы гоняться за тобой по всему городу или приводить тебя в чувство после геройского, но, поверь мне, совершенно бессмысленного сражения с моим лучшим сотрудником, я буду угощать тебя камрой. И развлекать беседой. Чем плохо?

Мое тело, оставленное без обеда в расчете на скорый ужин в родительском доме, при слове «камра» возликовало и так обнаглело, что, не советуясь с гордым духом, поспешно спросило:

– А пожрать у вас случайно ничего не найдется?

– Хороший вопрос, – обрадовался Джуффин. – Такой вопрос заслуживает честного ответа. Представь себе, у меня в столе лежит полдюжина превосходных многослойных бутербродов, приготовленных по старинному шимарскому рецепту. Мой дворецкий время от времени незаметно подкладывает мне в карман сверток с едой, хотя прекрасно знает, что я люблю обедать в «Обжоре» у мадам Жижинды. Однако всякий раз непременно оказывается, что кому-то без этих грешных бутербродов жизнь не мила. Вот и сегодня все сложилось наилучшим образом. Даже не знаю, как бы я выкручивался, если бы тебя не угораздило угодить под арест и избавить меня

от запасов провианта. Очень мило с твоей стороны и более чем своевременно!

Я уписывал уже третий бутерброд, а господин Почтеннейший Начальник все говорил и говорил. Хотя, по идее, в данной ситуации говорить следовало мне, а ему – только задавать вопросы. Это называется «допрос преступника». Так положено, я знал это совершенно точно, поскольку не далее как позавчера вечером готовился к экзамену по уголовному праву. Чего в моих книгах не было – так это информации, что сэр Джуффин Халли поступает как положено примерно раз в несколько лет, да и то исключительно для разнообразия.

– Спрашивать, как тебя угораздило, я не стану, – говорил он, – это и так понятно. Обычное дело.

Когда он сказал: «Обычное дело», – я подавился от возмущения и потом долго откашливался, поневоле запивая свой позор остывшей камрой.

– Вообще-то, – сердито сказал я, когда дар речи ко мне вернулся, – вам бы следовало сперва меня допросить, а уже потом делать какие-то выводы.

– Сперва допросить и только потом делать выводы, – восхищенно повторил Джуффин. – Какая прекрасная идея! Мне бы и в голову не пришло. Когда-нибудь я непременно воспользуюсь твоим мудрым советом. Я бы и сейчас с радостью им воспользовался, да вот беда: я и так все знаю, кроме одного – куда подевался твой приятель? Но ты мне тут, увы, не помощник.

– А разве он куда-то подевался? – удивился я. И тут же прикусил язык. Выдавать Бугаги не следовало ни при каких обстоятельствах – хотя бы потому, что влип он по моей милости.

– Подевался, – жизнерадостно подтвердил сэр Джуффин. Судя по выражению его лица, лучшее, что может случиться с шефом Тайного Сыска – это внезапное исчезновение подозреваемого. – Нигде его нет, словно бы вовсе на свет не рождался... Кстати, имей в виду, я уже в курсе, что ты сидел в «Бешеном скелете» с Бугаги Удубаном из Семилестника. И что промеж вами вышло, знаю. Вернее, просто догадываюсь. Он научил тебя какому-то простенькому фокусу, ты попробовал повторить, и результат, скажем так, несколько превзошел ваши общие ожидания.

– Удубан не виноват, – поспешно сказал я. – Он не хотел учить меня магии. Это я его уговорил. Вернее, заставил. Силой.

– О-о-о, даже так? Заставил силой – это очень серьезно. Ты что с ним делал? Заклинание, подчиняющее волю, читал? Смертью грозил? Или ограничился зверскими пытками?

Я прекрасно понимал, что он надо мной смеется. И так обиделся, что демонстративно отложил в сторону надкусанный бутерброд, уже шестой по счету, так что отказаться от него было мне вполне по силам. И кружку тоже гордо отодвинул. Правда, камры в ней уже почти не осталось, но тут уж ничего не поделаешь.

– Хотите верьте, хотите нет, но я действительно силой заставил Бугаги Удубана сказать мне заклинание. Угрожал, что в противном случае заставлю его сожрать вместе с вином стеклянную бутылку.

– Ужас какой! – обрадовался сэр Джуффин. – Мир не видывал подобных злодейств. У меня под носом вырос, можно сказать, новый Лойсо Пондохва, а я-то хорош, проморгал возможность удавить тебя прямо в колыбели.

И, пока я безуспешно изобретал какой-нибудь достойный ответ, подлил камры в мою опустевшую кружку.

– Совершенно естественно в твоем положении выгораживать приятеля, – примирительно сказал он. – С людьми, которые ведут себя иначе, и говорить-то не о чем. Но у тебя ничего не выйдет. Мне, видишь ли, совершенно необходимо, чтобы бедняга Удубан был виноват. Поэтому он будет объявлен главным виновником происшествия, даже если ты действительно силой и угрозами вытряс из него заклинание. Что, строго говоря, более-менее правда. Все уже решено, дело за малым – найти этого красавца. С другой стороны, должен же он быть хоть где-нибудь... Остается еще один вопрос: что делать с тобой?

– Посадить в Холоми? – с надеждой спросил я. – Я же совершил самое настоящее магическое преступление, правда?

– Откуда такой энтузиазм? – удивился шеф Тайного Сыска. – Чем тебя манит Королевская тюрьма? Если слухами об исключительном мастерстве тамошнего

повара, имей в виду, они преувеличены. Той же мадам Жижинде он в подметки не годится.

- При чем тут повар? Просто компания в Холоми хорошая, - нетерпеливо объяснил я. - Там же половина камер героями Войны за Кодекс занята, скажете, не так?

- Гораздо больше половины, - подтвердил сэр Джуффин. - Если ты радуешься возможности завязать с ними знакомство, я тебя хорошо понимаю. И в каком-то смысле даже одобряю столь похвальное стремление лично соприкоснуться с живой историей магии. Скажу больше, возможно однажды тебе действительно удастся увидеть кого-нибудь из этих великих людей на ежегодном обеде, который комендант Холоми устраивает для избранных узников.

- Только на ежегодном обеде? - не веря своим ушам, переспросил я.

- Ну да. Тюрьма тем и отличается от прочих человеческих жилищ, что населяющие ее достойные люди проводят большую часть времени в полном одиночестве, сидя в своих камерах.

- И что они там делают? - холодея от ужаса, спросил я.

Сэр Джуффин задумался.

- Наверное, читают, - неуверенно предположил он. - В Холоми, знаешь ли, отличная библиотека... Думают. Пишут письма родным и друзьям - Безмолвной речью-то в Холоми не воспользуешься. Иногда гуляют в саду - по очереди, конечно же. То есть, поодиночке.

- Поодиночке? Получается, узники встречаются друг с другом только раз в год, и все?

- Это в лучшем случае. Ежегодный обед устраивают не для всех, а для избранных. У тебя, в силу возраста и биографии, не слишком высокие шансы быть включенным в список приглашенных, но чем только Темные Магистры не шутят. В любом случае все решает сам комендант. Может быть, лет через десять-двадцать он сочтет тебя достаточно интересным собеседником.

– Через десять-двадцать? – я был потрясен. – Хотите сказать, что я буду сидеть в Холоми так долго?

Перспектива стать узником знаменитой тюрьмы прельщала меня все меньше. Похоже, это гораздо хуже, чем быть пиратом – те-то хотя бы раз в несколько дней сражениями развлекаются. Вот только понял я это, мягко говоря, поздновато.

– Ну да, – флегматично кивнул сэр Джуффин. – Не знаю, каковы были твои первоначальные намерения, но за применение в общественном месте пятьдесят девятой ступени черной магии сейчас можно получить лет тридцать, не меньше.

– Какой пятьдесят девятой?! – взвыл я. – Восьмой! Это была восьмая ступень. Восьмая!

– Не сомневаюсь, что твой приятель собирался обучить тебя именно одному из приемов восьмой ступени, – согласился сэр Джуффин. – Хотя бы потому, что это – предел его собственных скромных возможностей. Однако вышло так, что ты перестарался и применил именно пятьдесят девятую ступень. Нечаянно, конечно. Именно в этом и состоит проблема.

– В чем? – я окончательно перестал понимать, к чему он клонит. – В том, что нечаянно?

– Ну да. С одной стороны, ты как бы и не виноват. Вернее, почти не виноват. И справедливость требует отпустить тебя восвояси, обязав возместить убытки пострадавшим – ничего не поделаешь, придется твоему братцу выпотрошить дополнительную пару-тройку купеческих кораблей, но сэр Анчифа, не сомневаюсь, как-нибудь справится.

– Ну и вот! – торжествующе сказал я. – Штраф – это вполне справедливо. Я только за.

– Но в интересах безопасности Соединенного Королевства мне все-таки следует упрятать тебя в Холоми, – огорошил меня Джуффин. – Заклинание-то ты уже знаешь, и это нельзя изменить. А способностями ты, похоже, пошел в деда. Что было бы просто прекрасно – лет, скажем, двести-триста назад. Но, уж прости меня, совершенно не к месту в наши мирные времена. И кто может поручиться,

что тебе никогда не захочется еще раз проделать этот фокус?

– Мне не захочется, – искренне сказал я. – Нет ничего хорошего в том, чтобы разрушать дома и вырывать с корнем деревья.

– Это ты сейчас так говоришь, – отмахнулся сэра Джуффина. – Со временем твое мнение вполне может измениться. Но гораздо хуже другое – ты никогда не обучался магии и, соответственно, умению держать ее под контролем. Я хочу сказать, что в один прекрасный день ты можешь нечаянно повторить давешний подвиг. Сам не заметишь, как это случится.

– Как такое возможно? – недоверчиво спросил я. – Обычно я хорошо понимаю, что делаю. Возможно, не всеми моими поступками можно гордиться, но, по крайней мере, я всегда совершал их осознанно.

– А во сне? – невинным тоном спросил сэра Джуффина. И принялся набивать трубку, предоставив мне возможность обдумать его слова.

Крыть было нечем. Контролировать свои действия во сне я не умел. До сих пор мне даже в голову не приходило ставить вопрос таким образом. На то он и сон, чтобы отдыхать от бодрствования и сопутствующего ему самоконтроля – так мне казалось.

– А разве такое бывает – чтобы человек колдовал во сне? – наконец спросил я.

– Еще бы, – невозмутимо подтвердил господин Почтеннейший Начальник. – В старые времена добрая половина сражений между враждующими Орденами была битвами спящих Магистров. А юных послушников того же Семилистника до сих пор укладывают спать поодиночке, в тесных подвальных помещениях, где нет никакой мебели, кроме брошенного на пол матраса, – как ты думаешь зачем?

– Для того, чтобы отравить им жизнь? – усмехнулся я. – Впрочем, из логики вашего повествования следует, что это делается ради их же безопасности.

– Соображаешь, – вздохнул сэра Джуффина. – И вот, скажи на милость, что мне с тобой, таким сообразительным, делать?

Я пожал плечами. Дескать, что хотите, то и делайте. Понятно же, что все равно упечете в Холоми, и чем я там буду заниматься? Книжки читать, по сорок штук в день, дожидаясь своей очереди погулять по саду?.. Впрочем, трудно будет только первые полгода. Потом я наверняка сойду с ума от скуки, и станет повеселее. У безумцев свои, недоступные нормальным людям, тайные радости и развлечения.

Сэр Джуффин тем временем раскуривал трубку и, сам того не ведая, усугублял мои страдания. Я до сих пор не определился, что ненавижу сильнее – запах угуландского табака или долгие паузы в разговоре. Но и то и другое – больше всех прочих зол, это точно.

– Лично я вижу только один достойный выход из сложившейся ситуации, – наконец сказал мой мучитель.

Я тоже вижу этот выход, мрачно подумал я. Выкурить еще пару-тройку трубок, и можно с легким сердцем рассылать приглашения на мои похороны.

Но вслух я ничего не сказал.

– Если уж ты столь успешно начал учиться запрещенной законом магии, логично было бы продолжить занятия, – говорил сэр Джуффин. – Уделяя особое внимание технике безопасности. Но, конечно же, не ограничиваясь ею.

Он произнес это таким обыденным тоном, каким обычно обсуждают меню завтрашнего обеда и прочие милые пустяки. Так что до меня далеко не сразу дошел смысл его слов. А когда все-таки дошел, я сказал себе, что ослышался. Что-то неправильно понял. Потому что не может же быть...

Джуффин с неподдельным интересом наблюдал за бушующими во мне бурями. И когда понял, что я уже почти готов взорваться ликованием, добавил:

– Но тут есть одно серьезное препятствие.

Вообще-то Кодекс Хрембера запрещает применять к арестованным пытки. Но Господина Почтеннейшего Начальника это никогда не останавливало. Он снова умолк, как бы размышляя. И с величайшим наслаждением промолчал

целую вечность – секунд десять, никак не меньше.

– Я имею право обучать Очевидной магии только сотрудников Тайного Сыска, – наконец сказал он.

Я окончательно сник. И тогда сэр Джуффин Халли добил меня последним решающим ударом.

– Так что если ты всерьез решил учиться, тебе придется поступить на службу в Тайный Сыск, – сказал он.

– Как это? – переспросил я, поскольку к этому моменту окончательно утратил не только остроту ума, но и способность понимать человеческую речь.

– Ну, как обычно поступают на государственную службу, – он неодобрительно поморщился. – Подписать несколько дюжин дурацких бумаг, и что там еще положено делать в таких случаях? Не помню. Но знаю, кого спросить.

– То есть вы собираетесь нанять меня на работу в Тайный Сыск? Вместо того чтобы запереть в Холоми?

Это было настолько нелогично, что я невольно принялся. Но безумием от сэра Джуффина Халли не пахло. Оставалось предположить, что с ума сошел я сам.

– Получается, что так, – согласился мой будущий шеф. – Сам удивляюсь. Но иной возможности обучать тебя магии, не нарушая закон, я не вижу.

– То есть я буду числиться на службе в Тайном Сыске, а на самом деле учиться магии?

– Не числиться, а работать, – строго сказал он. – Примерно двадцать часов в сутки. А все остальное время мы с тобой, как и договаривались, посвятим учебе. Только не спрашивай меня, когда ты будешь спать. Не знаю! Сам что-нибудь придумай. – Помолчав, он добавил: – Не стану тебя обманывать, сэр Мелифаро, в Холоми тебе было бы гораздо спокойнее. Но магии ты там точно не научился бы, а значит, жизнь твоя прошла бы совершенно впустую.

– А теперь, получается, не впустую?

– По всему выходит, что нет.

Только тогда до меня, наконец, дошло, что означает его предложение. Я буду учиться магии. Некогда-нибудь, год, или два, или вечность спустя, а вот прямо сейчас. Вернее, на днях. Но по сравнению с вечностью «на днях» – это и есть «сейчас». А уже потом поищу деда, пусть научит меня всему, чего не знает сэр Джуффин Халли. И ему так будет интересней, чем с новичком возиться.

Это было настолько потрясающе, что я громко заорал, подпрыгнул, уцепился за люстру и принялся на ней раскачиваться. Будущий начальник наблюдал за моими действиями без особого удивления, но с неподдельным исследовательским интересом.

– Придется, пожалуй, отвезти тебя домой, – наконец сказал он. – Пускать тебя за рычаг амобилера в таком состоянии было бы роковой ошибкой.

Не хотелось бы, чтобы пошли слухи, будто служба в Тайном Сыске настолько опасна, что молодые сотрудники гибнут еще до официального зачисления в штат.

– Отвезти домой? – я так удивился, что даже прекратил раскачиваться на люстре. Просто висел и болтал ногами.

– Я уже послал зов твоей матушке, пожаловался, что ты сожрал все мои бутерброды и напросился на ужин в качестве компенсации.

– Люди только и думают о том, чтобы поесть. И при этом совершенно забывают о других, – внезапно раздался необычный, не то хриплый детский, не то слишком высокий мужской голос. Он звучал не снизу, а, напротив, сверху, хотя я находился практически под потолком.

Оглядевшись, я обнаружил, что на книжном шкафу сидит довольно крупная большеглазая птица, круглая как шар – не то толстая, не то просто перья густые. Я впервые в жизни видел буривуха. У нас в Угуланде и вообще в Хонхоне эти говорящие птицы не живут, их родина – далекий Арварох, откуда даже мой удачливый и хитроумный отец едва живым выбрался. В наших зоопарках буривухов не содержат и правильно делают – арварохские птицы чрезвычайно

разумны, к тому же, обладают феноменальной памятью. То есть средний человек буривушкам в подметки не годится, и кого из нас следует содержать в зоопарке – это еще большой вопрос.

Но в конце концов до меня все-таки дошло, кто передо мной, хотя на картинках в отцовской Энциклопедии Мира буривухи гораздо крупнее и не такие круглые, что как раз неудивительно – разумен ты, или нет, а в Арварохе поди отъешься. Гиблое место.

Шеф Тайного Сыска был похож на провинившегося мальчишку.

– Прости, милый, – сказал он. – Я как раз собирался достать для тебя орехи.

– Тогда ладно, – сказал буривух. – Я беспокоюсь, потому что знаю: вы, люди, вечно обо всем забываете.

– Ничего себе, – наконец высказался я.

– Да, я до сих пор не сообщил тебе самого главного, – кивнул сэр Джуффин. – Возможность ежедневно встречаться с буривухами – одно из величайших преимуществ службы в Тайном Сыске. Это Куруш, он живет в моем кабинете и любезно помогает мне управляться с секретной информацией, которую невозможно удержать ни в одной человеческой голове, а записывать – слишком долго и муторно. Несколько дюжин его коллег обитают в нашем Большом Архиве, и я думаю, их присутствие в Доме у Моста – главное мое достижение за все годы службы.

– Ну ничего себе, – повторил я.

И наконец спрыгнул на пол.

Ехали мы долго. Это только сэр Макс от Дома у Моста до нашего имения за полчаса добирался, да еще и мимо нужного поворота вечно проскакивал, всякий раз удивляясь, что все, оказывается, так близко. А у нас с сэром Джуффином дорога отняла без малого два часа. За это время я успел оправиться от потрясения, спокойно обдумать сложившуюся ситуацию, классифицировать

ее как абсолютно невозможную, упасть духом и несколько раз ущипнуть себя на тот случай, если происходящее мне просто снится. Обзавелся полудюжиной синяков – вот и весь результат. Сэр Джуффин Халли, похоже, был целиком поглощен процессом управления автомобилером и заметил мои страдания далеко не сразу.

– На самом деле этот способ в большинстве случаев не работает, – наконец сказал он. – То есть когда мы имеем дело со сновидением, в рамках которого возможно задать себе вопрос: «Сплю я или бодрствую?» – шансы пробудиться от щипка столь сомнительны, что я не называю их нулевыми исключительно из уважения к тому разделу математики, который занимается изучением исчезающе малых величин.

С тем же успехом можешь просто поверить мне на слово: сейчас ты совершенно определенно бодрствуешь. В чем, в чем, а в таких вещах я разбираюсь.

И снова замолчал, как будто все самое важное уже было сказано.

– Ладно, хорошо, предположим, бодрствую, – согласился я. – Тогда объясните мне, пожалуйста, вот что. Когда вы говорили, будто мне предстоит работать двадцать часов в сутки – что вы имели в виду? Какую практическую пользу я могу вам принести? Полы помыть? В трактир за обедом сбегать? Белый балахон вашему, как вы выразились, лучшему сотруднику постирать?

– Вот это – ни в коем случае, – совершенно серьезно сказал сэр Джуффин. – Такую работу сэр Шурф даже мне, пожалуй, не доверит. Да и полы в моем кабинете мыть не так просто, как ты думаешь. Восемнадцатая ступень черной магии и тридцать вторая белой – чтобы дышалось лучше. Думаю, поначалу тебе придется делать работу попроще.

– Например? – я решил, что не отстану от него, пока не получу внятного ответа. Чтобы не пришлось гадать до завтрашнего утра – заставят меня круглосуточно драить сортиры в Доме у Моста или все-таки обойдется?

– Попробуй догадаться сам, – отрезал сэр Джуффин. – У тебя есть шанс – при условии, что ты вспомнишь то немногое, что знаешь о Тайном Сыске и о себе. И выкинешь из своей бедной головы мрачные мысли об уборке помещений – для этого у тебя пока недостаточно высокая квалификация,

смирись.

«Недостаточно высокая квалификация» – это звучит довольно обидно, но только не тогда, когда речь идет о черной работе. Поэтому я приободрился и начал думать.

О Малом Тайном Сыскном войске, особом следственном управлении, созданном сразу после окончания войны за Кодекс Хрембера на тот случай, если кто-нибудь из уцелевших в Смутные Времена колдунов, одурев от тягот мирной жизни, пустится во все тяжкие, я знал примерно столько же, сколько любой столичный обыватель, то есть почти ничего. Источников информации об их деятельности было два – городские слухи и газетные статьи. Я не доверял обоим, но в общем полагал, что каких-то вооруженных запретными знаниями злодеев Тайные сыщики время от времени действительно ловят. Газетчики их подвиги наверняка преувеличивают, но вряд ли сочиняют совсем уж на пустом месте.

О себе я знал гораздо больше, чем о Тайном сыске – так мне, по крайней мере, казалось. И принялся гадать, какие из моих многочисленных достоинств и умений могут быть полезны Тайному сыску. Вряд ли им требуется хороший математик и тем более посредственный юрист. А уж скверный историк и подавно не нужен. Что касается моих боксерских талантов – я бы не удивился, если бы они приглянулись начальнику обычной городской полиции, а мятежных Магистров кулаками особо не напугаешь.

Не то сэру Джуффину прискучило наблюдать за моими интеллектуальными муками, не то в его сердце и правда есть место милосердию. Во всяком случае, он сжалился и дал мне подсказку.

– В детстве ты, помнится, неплохо разбирался с головоломками. До сих пор горжусь идеей тебя к ним приохотить.

– Гордитесь идеей?.. Погодите, так это были вы?

Надо же, какая, оказывается, важная персона меня на закорках таскала, а я и не подозревал об оказанной мне чести.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/maks-fray/obzhora-hohotun>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)